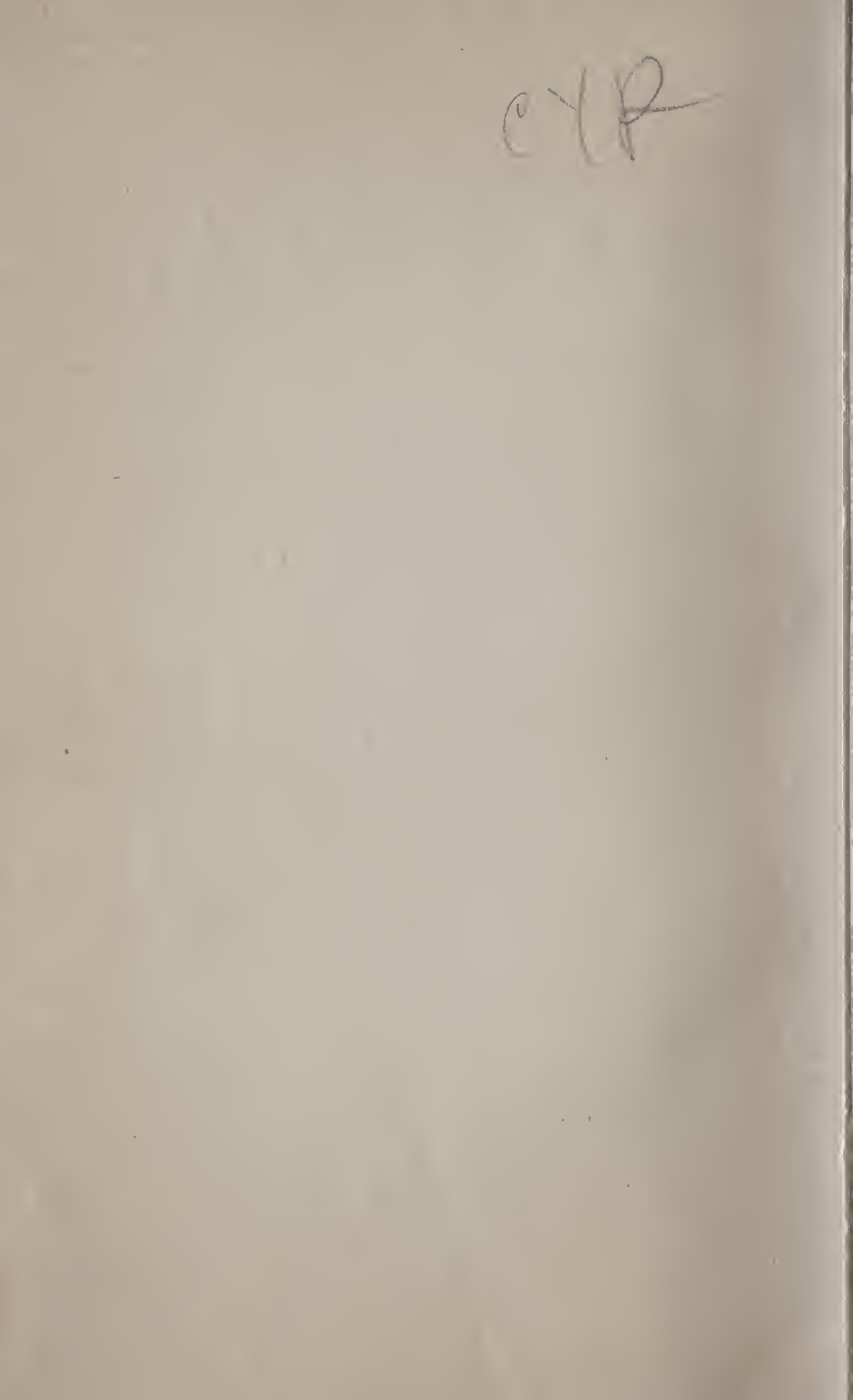
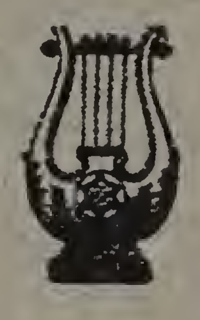

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ГУСЛИ

Сборникъ народныхъ и революцiонныхъ пѣсенъ

ЦѢНА 40 СЕНТОВЪ.

M. GUREWITCH

202 East Broadway New York City

ГУСЛИ

Сборникъ народныхъ и революціонныхъ пѣсень

Складъ изданія
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ М. ГУРЕВИЧА

M. GUREWITCH
202 East Broadway New York City

СОЛНЦЕ ВСХОДИТЪ И ЗАХОДИТЪ.

Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ тюрьмѣ моей темно.
Дни и ночи часовые —
Да, э-э, э-э-эхъ!
Стерегутъ мое окно.

Какъ хотите стерегите,
Я и такъ не убѣгу:
Мнѣ и хочется на волю —
Да, э-э, э-э-эхъ!
Цѣпь порвать я не могу.

Ахъ, вы, цѣпи мои, цѣпи,
Вы, желѣзны сторожа,
Не разбить мнѣ, не порвать васъ...
Да, э-э-эхъ!
Доля горькая моя!

Не летать мнѣ, какъ бывало,
Темной ночью по лѣсамъ,
Моя молодость проходитъ...
Да, э-э, э-э-эхъ!
По острогамъ и тюрьмамъ.

Черный воронъ, черный воронъ,
Что ты вьешься надо мной?
Иль мою погибель чуешь?
Да, э-э, э-э-эхъ!
Черный воронъ, я не твой!

КОРОБЕЙНИКЪ.

„Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча!
Выйди, выйди въ рожь высокую, —
Тамъ до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Всѣ товары разложу.
Цѣны самъ платилъ не малыя,
Не торгуйся, не скупись;
Подставляй-ка губки алыя,
Ближе къ милому садись!“
Вотъ и пала ночь туманная,
Ждетъ удалый молодецъ...
Чу! — идетъ! Пришла желанная,
Продаетъ товаръ купецъ.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать;
Парень съ дѣвицей цѣлуется,
Проситъ цѣну набавлять.
Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они...
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!
„Ой, легка, легка коробушка,
Плечъ не рѣжетъ ремешокъ!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенекъ.
Далъ ей ситцу штуку цѣлую,
Ленту алую для косъ,

Поясокъ — рубаху бѣлую
Подпоясать въ сѣнокосъ;
Все поклала, ненаглядная,
Въ коробъ, кромѣ перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Безъ сердечнаго дружка“.

УХАРЬ-КУПЕЦЪ.

Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодецъ.
Сталъ онъ на дворъ — лошадей покормить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
Въ красной рубашкѣ, кудрявъ и румянъ
Вышелъ на улицу веселъ и пьянъ.
Собралъ онъ дѣвокъ-красавицъ въ кружокъ,
Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ.
Потчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
„Пей-пропивай! Проживемъ — наживемъ...“
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ,
Шутятъ и пляшутъ и пѣсни поютъ.
Ухарь-купецъ подпѣваетъ, свиститъ.

Синее небо и сумракъ и тишь,
Смотрится въ воду зеленый камышъ,
Полосы свѣта по рѣчкѣ лежатъ,
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горятъ.
Дѣвичья пляска при зорькѣ видна,
Дѣвичья пѣсня за рѣчкой слышна,
По лугу льется, по чащѣ лѣсной...
Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой.

Бѣлый какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.
Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаетъ,
Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ,

Рвется красотка за дѣвичій кругъ:
Совѣстно ей отъ родныхъ и подругъ.
Смотрятъ подруги, — ихъ зависть беретъ:
Вотъ, молъ, упрямицѣ счастье идетъ.
Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смекнулъ,
Локтемъ жену торопливо толкнулъ, —
Сѣдъ онъ, и рваная шапка на немъ,
Глазомъ мигнулъ — и пропалъ за угломъ.
Дѣвкина мать расторопна, смѣла,
Съ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла:
„Полно, касатикъ, отстань, не балуй!
Дѣвки моей не позорь — не цѣлуй!"
Ухарь-купецъ позвенѣлъ серебромъ:
„Нѣтъ, такъ не надо, другую найдемъ!.."
Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать,
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять...

Звѣздная ночь и ясна и тепла;
Дѣвичья пѣсня давно замерла;
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой;
Вѣтромъ шатаетъ камышъ молодой;
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ;
Спитъ на печи подгулявшій старикъ,
Спитъ въ зипунишкѣ и старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
Молится Богу старуха-жена;

Плакать бы надо — не плачетъ она.
Дочь ихъ — красавица — поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила...
Что жъ тутъ за диво! и замужъ пойдетъ...
То-то, чай, дѣтокъ на умъ наведетъ!..

ЧТО ЗАТУМАНИЛАСЬ, ЗОРЕНЬКА ЯСНАЯ...

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что призадумалась, дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?
Жаль мнѣ покинуть тебя одинокую.
Пѣвень ударилъ крыломъ, —
Скоро ужъ полночь.. Дай чару глубокую.
Вспѣнь поскорѣе виномъ:
Время! Веди ты коня мнѣ любимаго,
Крѣпче держи подъ уздцы...
Ѣдутъ съ товарами въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы.
Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шубка на лисьемъ мѣху;
Будешь ходить ты вся въ злато залитая,
Спать на лебяжьемъ пуху.
Много за душу твою одинокую,
Много я душъ погублю;
Я ль виноватъ, что тебя, черноокую,
Больше, чѣмъ душу, люблю?

БЕРЕЗА.

Ой, ты, береза, ты, моя береза!
Ой, ты, кудрявая моя береза!

Я думала, думала,
Я гадала, гадала.
2 раза.

Ой, ты, береза, ты, моя береза,
Ой, мы пьяны, одна ты твереза.

Я думала, думала,
Я гадала, гадала.
2 раза.

Не доѣхалъ мужъ мой до границы,
Растерялъ онъ шиты рукавицы.

Я думала, думала,
Я гадала, гадала.
2 раза.

Ахъ, какой онъ бездомовникъ, —
Не купилъ женѣ повойникъ.

Я думала, думала,
Я гадала, гадала.
2 раза.

Добрался онъ до харчевушки,
Выпилъ тамъ онъ три осьмушки.

Я думала, думала,
Я гадала, гадала.
2 раза.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу я безмолвно на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ.
Прелестная дѣва ласкала меня,
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.
Однажды я созвалъ веселыхъ гостей,
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей,
„Съ тобою пируютъ,— шепнулъ онъ,— друзья,
Тебѣ жъ измѣнила гречанка твоя“.
Я далъ ему злата и проклялъ его
И вѣрнаго позвалъ раба моего.
Мы вышли; я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ;
Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...
Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.
Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ,
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.
Безглавое тѣло я долго топталъ
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.
Я помню моленье, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!
Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.
Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.
Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей!
Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

МНѢ ЧТО ЗА БѢДА...

Пусть онъ не вѣритъ,
Пусть онъ измѣнитъ,
Плакать не стану,
Вѣдь я молода!

Новый поклонникъ
Его мнѣ замѣнитъ,
Горе ему же,
Мнѣ что за бѣда!

Пусть онъ поищетъ
Сердце вѣрнѣе,
Косу блестящей,
Румянѣй уста!..

Пусть онъ поищетъ
Сердцу милѣе,
Вѣдь не найти ихъ!
Мнѣ что за бѣда!

Знаю, придетъ онъ
Кланяться низко.
О, какъ я буду
Смѣяться тогда,

Поздно, но тщетно
О прежней любви
Будетъ жалѣть онъ:
Мнѣ что за бѣда!

ОТВОРИТЕ МНѢ ТЕМНИЦУ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноокую дѣвицу,
Черногриваго коня!

Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вихорь, полечу.

Но окно въ тюрьмѣ высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ,
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ.

Черный конь гуляетъ въ полѣ
Безъ узды, — одинъ по волѣ
Ходитъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я, нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ,
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ.

ЧЕРНЫЯ ОЧИ.

И черныя очи
И бѣлая грудь
Цѣлыя ночи
Спать не даютъ;
Мучитъ Маруся
Душу мою:
Ѣмъ я безъ вкуса,
Вовсе не пью.
Панскія хаты,
Хлѣбъ на гумнѣ,
Волы рогаты
Не милы мнѣ.
Нѣтъ мнѣ отрады
Гроши считать,
Быстрые взгляды
Сердце сверлятъ.

Я ВЪ ПУСТЫНЮ УДАЛЯЮСЬ.

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ;
Сколько горестей смертельныхъ
Мнѣ въ разлукѣ должно снесть.
Оставляю градъ любезный,
Оставляю и того,
Кто на свѣтѣ мнѣ милѣе
И дороже мнѣ всего.
Премѣнить нельзя предѣла,
Нельзя страсти истребить, —

Знать, судьба мнѣ такъ велѣла,
Чтобъ одной въ пустынѣ жить.
Въ тѣхъ мѣстахъ уединенныхъ
Воображать буду тебя;
О, надежда мыслей тлѣнныхъ,
Ты тревожишь здѣсь меня!
Повсечасно буду плакать
И тебя все вспоминать;
Ты старайся, мой любезный,
Взоръ несчастной забывать
Ужъ вздыханьемъ и тоскою
Пособить не можно намъ,
Коль назначено судьбою,
И угодно небесамъ.
Здѣсь собранье, здѣсь веселье,
Здѣсь всѣ радости живутъ,
А меня на зло мученье
Въ мѣста страшныя влекутъ.
Уменьши мое мученье
И въ разлукѣ тѣмъ увѣрь;
Не забудь меня, несчастну,
Тѣмъ тоску мою умѣрь.
Знаю, что и ты страдаешь
И вздыхаешь обо мнѣ,
Но и ты знай, мой любезный,
Что я мучусь по тебѣ.
Ахъ, прости, прости, любезный,
Разлучили насъ съ тобой,
Не забудь меня, несчастну,
И не будь плѣненъ иной!

АХЪ, ЗАЧѢМЪ ЭТА НОЧЬ.

Ахъ, зачѣмъ эта ночь
Такъ была хороша?
Не болѣла бы грудь,
Не томилась душа!

Въ тихой рощѣ вѣтвей
Соловей громко пѣлъ,
И съ любовью моей
Я ей въ очи глядѣлъ.

Полюбилъ я ее,
Полюбилъ горячо,
А она на любовь
Смотритъ такъ холодно.

Захотѣлось, знать, ей
Моей жизни конецъ
И съ постылымъ, на зло
Мнѣ, пошла подъ вѣнецъ.

Не видала она,
Какъ я въ церкви стоялъ,
Прислонившись къ стѣнѣ,
Безутѣшно рыдалъ.

Звуки вальса неслись,
Веселился весь домъ,
Я въ каморку свою
Пробирался съ трудомъ.

И всю ночь напролетъ
Я все думалъ о ней:
Каково будетъ ей
Безъ милого жить вѣкъ?

Вышелъ на берегъ я, —
Небосводъ голубой...
Любовался, стоялъ
Я надъ Волгой-рѣкой.

Волга въ волны свои
Молодца приняла,
По волнамъ, по водѣ
Одна шапка плыла.

НЕ ОСЕННІЙ МЕЛКІЙ ДОЖДИЧЕКЪ.

Не осенній мелкій дождичекъ
Брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ, —
Слезы горькія льетъ молодецъ
На свой бархатный кафтанъ.

Полно, братъ, молодецъ,
Ты вѣдь не дѣвица:
Пей — тоска пройдетъ,
Пей, пей, тоска пройдетъ.

Но тоска, друзья-товарищи,
Въ грудь запала глубоко:
Дни веселія, дни радости
Отлетѣли далеко.

Полно, братъ, молодецъ,
Ты вѣдь не дѣвица:
Пей — тоска пройдетъ,
Пей, пей, тоска пройдетъ.

НЕ БРАНИ МЕНЯ, РОДНАЯ.

Не брани меня, родная,
Что я такъ люблю его;
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мнѣ безъ него.

Я не знаю, что такое
Вдругъ случилося со мной:
Что такъ рвется ретивое,
И терзаюсь я тоской?

Все оно во мнѣ изныло,
Вся горю я, какъ въ огнѣ,
Все не мило, все постыло,
И страдаю я по немъ.

Въ ясный день и въ темны ночи,
И во снѣ и наяву
Слезы мнѣ туманятъ очи,
Все летѣла бъ я къ нему.

Мнѣ не нужны всѣ наряды, —
Ленты, жемчугъ и парчи,
Кудри молодца и взгляды
Сердце бѣдное зажгли.

Сжалься, сжалься жъ, дорогая,
Перестань меня бранить;
Знать, судьба моя такая,
Что должна его любить!

ПѢСНЯ РЕКРУТА.

Послѣдній нынѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья,
А завтра рано, чуть свѣточекъ,
Заплачетъ вся моя семья.

Заплачетъ мать и мои сестры,
Заплачетъ братъ и мой отецъ.
Итти въ солдаты выпалъ жребій,
И вольнымъ днямъ пришелъ конецъ.

Еще заплачетъ дорогая,
Съ которой три года гулялъ.
Вести къ вѣнцу ее сбирался,
Любить до гроба обѣщалъ.

Коляска быстро подкатила
Около дома моего;
Въ коляскѣ старшіе кричали:
„Готовьте сына своего“.

Крестьянскій сынъ, давно готовый, —
Семья вся замертво лежитъ,
Помчусь теперь я къ жизни новой,
Странѣ, отечеству служить.

ЗАПРЯГУ Я ТРОЙКУ.

Запрягу я тройку борзыхъ
Темно-карихъ лошадей
И помчусь я въ ночь морозну
Прямо къ Любушкѣ своей.

По привычкѣ кони знають,
Гдѣ сударушка живетъ,
Снѣгъ копытомъ разбиваютъ,
Ямщикъ пѣсенки поетъ:

„Эй, вы, други дорогіе!..
Мчитесь сокола быстрѣй,
Не теряйте дни златые, —
Ихъ немного въ жизни сей.

Пока сердце въ груди бьется,
Будемъ весело мы жить,
Пока кудри въ кольца вьются
Будемъ дѣвушекъ любить“.

Ночь была морозна, ясна,
Ямщикъ тройку осадилъ,
Съ поцѣлуемъ жаркимъ, страстнымъ
Любу въ сани посадилъ.

И Любаша, не краснѣя,
Его ручкой обвила,
И потомъ скорѣй, скорѣе
Въ свою хату повела.

ЧУДНЫЙ МѢСЯЦЪ.

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все въ объятьяхъ ночной тишины;
Ничего мнѣ на свѣтѣ не надо,
Только видѣть тебя, милый мой,

Только видѣть тебя безконечно,
Любоваться твоей красотой,

Но — увы! — коротки наши встрѣчи,
Ты спѣшишь на свиданье къ другой...

Такъ иди, пусть одна я страдаю,
Пусть напрасно волнуется грудь.
Предъ иконой я встану съ мольбою
И всю жизнь замолю за тебя,

Чтобы Боже послалъ тебѣ счастья,
Чтобы горя тебѣ не знавать.
А я буду всегда безъ участья
По гробъ жизни любить и страдать...

Для кого я жила и страдала,
И кому я всю жизнь отдала?
Какъ цвѣтокъ ароматный весною,
Для тебя одного расцвѣла;

Ты поклялся любить меня вѣчно,
Какъ голубку, лаская меня;
А потомъ же, смѣясь безконечно,
Ты навѣкъ мою жизнь погубилъ.

Я просила тебя, умоляла:
Приди, милый, проститься со мной!
А ты, подлый, другую ласкаешь
И смѣешься, тиранъ, надо мной.

И могила моя одинока, —
Не придешь, не поклонишься ей...
Только яркое солнце высоко
Надъ крестомъ моимъ бѣднымъ взойдетъ.

Бѣлый камень лежитъ одиноко,
Точно сторожъ могилы моей.
Отчего не проснешься ты снова
Для цвѣтовъ ароматныхъ полей?

ЭЙ, УХНЕМЪ...

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ, еще разъ!

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ, еще разъ!

Разовьемъ мы березу,
Разовьемъ кудряву

Ай-да! ай-да! ай-да! ай-да!

Разовьемъ мы кудряву.
Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ! и проч.

НА ЗАРѢ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.
Что предъ ней ты, утро майское?
Ты, дубрава-мать зеленая?
Степь-трава, парча шелковая?
Заря-вечеръ? ночь-волшебница?
Хороши вы, когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ хоть бы не было.
Съ ней зима — весна, ночь — ясный день!
Не забыть мнѣ, какъ въ послѣднiй разъ
Я сказалъ ей: „Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ — разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...“

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, —
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.
„Не ходи постой!.. Дай время мнѣ
Задушить грусть... печаль выплакать
На тебя, на ясна сокола"...
Занялся духъ и... слово замерло...

НЕ СЛЫШНО ШУМУ ГОРОДСКОГО.

Не слышно шуму городского,
За Невской башней тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна.

Вотъ бѣдный юноша, ровесникъ
Младымъ цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ, заводитъ пѣсню
И отдаетъ тоску волнамъ:

„Прости, мой край, моя отчизна,
Прости, мой домъ, моя семья!
Здѣсь, за рѣшеткою желѣзной,
Навѣкъ отъ васъ сокрылся я.

Прости, отецъ, прости невѣста!
Сломись, вѣнчальное кольцо!
Навѣкъ закройся, мое сердце,
Не быть мнѣ другомъ и отцомъ!

Сосваталъ я себѣ неволю,
Мой жребій — слезы и тоска,
Но я молчу и таю долю —
Ея взяла моя рука.

НА ЗАРѢ ТЫ ЕЕ НЕ БУДИ.

На зарѣ ты ее не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Волосъ ленты съ обѣихъ сторонъ.

И вчера у окна, къ вечеру,
Долго-долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что скользя затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ ярче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось сильнѣй и сильнѣй.

Оттого-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ!
Не буди жъ ты ее, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ.

СТАРЫЙ МУЖЪ.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня, —
Я тверда: не боюсь
Ни ножа, ни огня!
Ненавижу тебя,

Презираю тебя,
Я другого люблю,
Умираю любя.
Рѣжь меня, жги меня, —
Не скажу ничего.
Старый мужъ, грозный мужъ,
Ненавижу тебя!
Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня,
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любитъ меня!
Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

ОТОЙДИ, НЕ ГЛЯДИ...

Отойди, не гляди,
Скройся съ глазъ ты моихъ:
Сердце ноетъ въ груди,
Нѣту силъ никакихъ...
    Отойди, отойди!
Для меня ли твоя
Красота, посуди, —
Денегъ нѣтъ у меня,
Одинъ крестъ на груди!
    Отойди, отойди!
Намъ блаженства съ тобой
Не дадутъ, не дадутъ,
А тебя съ красотой
Продадутъ, продадутъ.
    Отойди, отойди!

Иль играть хочешь ты
Наболѣвшей душой
И всю власть красоты
Испытать надо мной?
Отойди, отойди!
Нѣтъ, съ ума я сойду,
Обожая тебя!
Не ручаюсь: убью
И тебя и себя!
Отойди, отойди!

СПРЯТАЛСЯ МѢСЯЦЪ...

Спрятался мѣсяцъ за тучку —
Онъ больше не хочетъ гулять.
Дайте мнѣ правую ручку
Къ пылкому сердцу прижать.

Когда я съ тобою бываю,
То зорко слѣжу за тобой;
Въ разлукѣ душой изнываю,
Въ мечтахъ моихъ образъ все твой.

Когда жъ я увижу могилу,
Въ которой ты будешь лежать,
Я стану предъ ней на колѣни
И буду могилу лобзать.

Что намъ до шумнаго свѣта,
Что намъ друзья и враги?
Было бы сердце согрѣто
Жаромъ взаимной любви.

ОСѢДЛАЮ КОНЯ.

Осѣдлаю коня,
Коня быстраго,
Я помчусь, полечу,
Легче сокола
Чрезъ поля за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость,
Приберусь и явлюсь
Прежнимъ молодцемъ
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!
Но — увы! — нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному,
Не взойдетъ никогда
Солнце съ запада.

ЧЕРНЫЙ ЦВѢТЪ...

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда, —
Я клянусь, не влюблюсь
Въ другой цвѣтъ никогда;
Не принудятъ меня,
Не заставятъ меня
Разлюбить черный цвѣтъ.
Силы нѣтъ, власти нѣтъ!
Отчего жъ, — спроситъ свѣтъ, —
Я влюбленъ въ черный цвѣтъ?
Цвѣтъ подруги моей...

И пусть другъ, милый другъ,
Позабудетъ меня, —
Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Все любить буду я.
У меня мысль одна:
Черный цвѣтъ — и она, —
Съ ней навѣкъ солью
Мрачну душу мою.

ПАРА ГНѢДЫХЪ.

Пара гнѣдыхъ, запряженныхъ съ зарею,
Тощихъ, голодныхъ и грустныхъ на видъ:
Тихо плететесь вы мелкою рысцею,
И возбуждаете смѣхъ у иныхъ!
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеровъ вы имѣли лихихъ,
Ваша хозяйка состарилась съ вами...
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

Грекъ изъ Одессы, еврей изъ Варшавы,
Юный корнетъ и сѣдой генералъ,
Каждый искалъ въ ней любви и забавы,
И на груди у нея засыпалъ.
Гдѣ же теперь въ какой новой богинѣ
Ищутъ они идеаловъ своихъ?
Вы, только вы, лишь вѣрны ей понынѣ...
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

Вотъ почему запряженны съ зарею,
И голодая по нѣскольку дней,
Тихо плететесь вы мелкой рысцею,
И возбуждаете смѣхъ у людей!..

Старость, какъ вамъ, такъ и ей угрожаетъ,
Говоръ толпы безвозвратно утихъ,
И только кнутъ васъ порою ласкаетъ,
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

Тихо туманное утро въ столицѣ.
По улицѣ медленно дроги ползутъ:
Въ гробѣ сосновомъ останки блудницы
Пара гнѣдыхъ еле-еле везутъ.
Кто-жъ провожаетъ ее на кладбищѣ?
Нѣтъ у нея ни друзей, ни родныхъ...
Нѣсколько только оборванныхъ нищихъ,
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

У НОГЪ ТВОИХЪ РАБОЙ УМРУ...

У ногъ твоихъ рабой умру,
У ногъ твоихъ блаженства жду,
Ты мучь меня, терзай меня,
Одно прошу — люби меня.

Пускай соперница моя
Осыплетъ ласками тебя,
Но все-жъ ты мой и въ тишинѣ,
Летятъ мечты твои ко мнѣ.

Ты слишкомъ много мнѣ принесъ
Разбитыхъ грезъ, горячихъ слезъ,
Но, умирая, не солгу,
„Люблю“ скажу и такъ умру!

ТЫ СКОРО МЕНЯ ПОЗАБУДЕШЬ.

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни полюбишь, разлюбишь,
Но я никого никогда.
Ты новыя лица увидишь
И новыхъ друзей изберешь;
Ты новыя чувства узнаешь
И, можетъ быть, счастье найдешь.
Я... тихо и грустно свершаю
Безъ радостей жизненный путь;
Но какъ я люблю и страдаю —
Узнаетъ могила одна!

ГЛЯДЯ НА ЛУЧЪ ПУРПУРНАГО ЗАКАТА.

Глядя на лучъ пурпурнаго заката
Стояли мы на берегу Невы,
Вы руку жали мнѣ,
Промчался безъ возврата
Тотъ сладкій мигъ,
Его забыли вы.
До гроба вы клялись любить поэта,
Боясь людей, боясь людской молвы,
Вы не исполнили священнаго обѣта
Свою любовь и ту забыли вы.
Но смерть близка,
Близка моя могила,
Когда умру, какъ тихій шумъ травы,
Мой голосъ прозвучитъ
И скажетъ вамъ уныло,
Онъ вами жилъ, его забыли вы.

ВНИЗЪ ПО МАТУШКѢ ПО ВОЛГѢ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая волновая;
Ничего въ волнахъ не видно,
Одна лодочка чернѣетъ.

На ней паруса бѣлѣютъ;
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ;
На кормѣ сидитъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ во нарядѣ,
Во коричневомъ кафтанѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ.

Какъ возговоритъ хозяинъ:
Ну, пригребемте, ребята,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Ко Аленину подворью,
Ко Ивановны здоровью.
Аленушка выходила
Таки рѣчи говорила.

Не прогнѣвайся пожалуй,
Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла
Въ одной тоненькой рубашкѣ
И въ домашней тѣлогрѣйкѣ.

ТРИ ПУТНИКА.

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли:
Прими, пріюти насъ въ темную ночь.
Но гдѣ же красавица? Гдѣ твоя дочь?"
— „Принять, пріютить васъ готова, друзья.
Скончалась красавица-дочка моя".
Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ,
А въ гробу красавица-дочка лежитъ
И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой:
„Ахъ, если бъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною бъ отнынѣ любима была".
Другой покрывало опять наложилъ
И горько заплакалъ и взоръ опустилъ:
„Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была".
Но третій опять покрывало поднялъ
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:
„Тебя я любилъ, мнѣ тебя не забыть,
Тебя я и въ вѣчности буду любить".

ВЫХОЖУ ОДИНЪ Я НА ДОРОГУ.

Выхожу одинъ я на дорогу;
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ (2 раза).

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ? (2 раза).

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.
Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть (2 раза).

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы, —
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь (2 раз).

Чтобъ всю ночь, весь день, мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ (2 раза).

ПѢСНЬ О КАЧЕЛЯХЪ.

(Изъ оперы „Веселая Вдова").
Ахъ, въ дни чарующей весны
Восторгомъ души всѣ полны,
Невольно все ласкаетъ взглядъ:
И птичекъ рой и пчелокъ рядъ...
Подъ сѣнью липы вѣковой
Не истомитъ насъ солнца зной...
Качаясь мѣрно взадъ, впередъ,
Забвенье каждый здѣсь найдетъ!

Тихо и плавно качаясь,
Горе забудешь вполнѣ.
Отдыхомъ всласть наслаждаясь,
Гимнъ мы поемъ веснѣ...
Слышится голосъ свирѣли,
Слышенъ таинственный звонъ...
Мѣрно качайтесь, качели,
Сладкій навѣйте всѣмъ сонъ.

Лишь только настаетъ весна,
Все пробуждается отъ сна,
Все къ жизни новой насъ зоветъ...
Весна идетъ, весна идетъ!..
Клокочетъ бурной страстью кровь,
Царитъ во всѣхъ сердцахъ любовь...
Кругомъ все душу веселитъ,
Къ качелямъ каждый тутъ спѣшитъ!

Тихо и плавно качаясь и т. д.

А въ старомъ паркѣ вечеркомъ,
Всѣ пары шепчутся тайкомъ,
Вздыхаютъ нѣжно тамъ и тутъ
И первый поцѣлуй сорвутъ!..
Клянется онъ, молчитъ она,
Но тутъ волшебница-весна
Все дѣло мигомъ смастеритъ
И ихъ сердца соединитъ!..

Тихо и плавно качаясь и т. д.

„МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ“.

(Новая саратовская народная пѣсня.)

Вечеръ вечерѣетъ,
Наборщицы идутъ.
Маруся отравилась,
Въ больницу повезутъ.

Въ больницу привозили
И клали на кроватъ.
Два доктора, сестрицы
Старались жизнь спасатъ.

„Спасайте — не спасайте,
Мнѣ жизнь не дорога.
Я милаго любила —
Такого подлеца“.

Давали ей лѣкарства —
Она ихъ не пила;
Давали ей пилюли
Она ихъ не брала.

Подруги приходили
Марусю навѣстить,
А докторъ отвѣчаетъ:
„Безъ памяти лежитъ“.

Приходитъ мать родная
Свою дочь навѣстить,
А докторъ отвѣчаетъ,
Что при смерти лежитъ.

Пришелъ ея любезный, —
Хотѣлъ онъ навѣстить, —
А докторъ отвѣчаетъ:
„Въ часовенкѣ лежитъ“.

— „Маруся, ты, Маруся!
Открой свои глаза!“
А сторожъ отвѣчаетъ:
„Давно ужъ умерла.

Кого-то полюбила,
Чего-то испила.
Любовь тѣмъ доказала:
Отъ яду умерла“.

МОЙ КОСТЕРЪ.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ;
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.
Ночь пройдетъ — и спозаранокъ
Въ степь далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой.
На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни!
Какъ концы ея, съ тобою
Мы сходились въ эти дни.
Кто-то мнѣ судьбу предскажетъ?
Кто-то завтра, соколъ мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ стянутый тобой?
Вспомни же, когда другая,
Друга милаго любя,
Будетъ пѣсни пѣть, играя
На колѣняхъ у тебя!
Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

ПРИВѢТЪ МОСКВѢ.

Вдали тебя я обездоленъ,
Москва, родимая земля,
Гдѣ блещетъ въ массѣ колоколенъ
Величье русскаго Кремля!

Мѣста для сердца дорогія,
Живете вы въ моей душѣ,
Не даромъ дышетъ вся Россія
Дыханьемъ матушки-Москвы,
Дыханьемъ матушки-Москвы!

Ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Москва, Москва,
Москва, золотая голова!
Ахъ, Москва, Москва, Москва...
Бѣлокаменная!

Въ Москвѣ вездѣ найдешь забаву
По вкусу русской старины:
Тамъ калачи пекутъ на славу,
Ѣдятъ горячіе блины.
Тамъ зеленѣютъ пышно парки,
Повсюду встрѣтится пріютъ,
Гдѣ на ухо, прося подарки,
Цыганки смуглыя поютъ,
Цыганки смуглыя поютъ.

Ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Москва, Москва,
Москва, золотая голова!
Ахъ, Москва, Москва, Москва...
Бѣлокаменная!

Москва хранитъ святую вѣру,
Въ Москвѣ стоятъ монастыри,
Въ Москвѣ кутится черезъ мѣру —
Отъ ранней ночи до зари.
И нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ краше
Московскихъ женщинъ и дѣвицъ —
Вотъ почему, на счастье наше,
Москва столица изъ столицъ!
Москва столица изъ столицъ!

Ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Москва, Москва,
Москва, золотая голова!
Ахъ, Москва, Москва, Москва...
Бѣлокаменная!

ЗЛАТЫЯ ГОРЫ.

„Когда бъ имѣлъ златыя горы
И рѣки, полныя вина,
Все отдалъ бы за ласки, взоры,
И ты бъ владѣла мной одна“...
— „Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу.
Тогда свободно и счастливо
Съ молитвой мы пойдемъ къ вѣнцу“...
— „Ахъ, нѣтъ, — твою, голубка, руку
Просилъ я у него не разъ,
Но онъ мою не понялъ муку
И далъ жестокій мнѣ отказъ...
Спроси у сердца ты совѣта,
Страданьемъ тронута моимъ,
И, вѣря святости обѣта,
Бѣги съ возлюбленнымъ своимъ“...
— „Но какъ же, милый, я покину
Семью родную и страну?
Вѣдь ты заѣдешь на чужбину
И бросишь тамъ меня одну“...
— „Стыдись, Марія, Богъ съ тобою...
Клянусь распятіемъ Христа,
Что будешь ты моей женою...
Клянусь, любовь моя чиста“...

— „Тогда бѣжать я съ нимъ рѣшилась,
Повѣривъ клятвѣ роковой,
На Божій храмъ перекрестилась,
Взглянувъ въ слезахъ на домъ родной,
Умчались мы въ страну чужую...
А черезъ годъ онъ измѣнилъ,
Забылъ и клятву онъ святую,
Когда другую полюбилъ...
А мнѣ сказалъ, стыдясь измѣны:
:Ступай обратно въ домъ отца,
Оставь мои, Марія, стѣны!.. —
И проводилъ меня съ крыльца. —
Не плачь напрасными слезами...
Постой немного подъ окномъ:
Съ пустой котомкой за плечами
Ты не пойдешь въ родимый домъ...
За рѣчи, ласки огневыя
Я награжу тебя конемъ...
Уздечки, хлыстикъ — золотые,
Сѣдѣльце шито жемчугомъ"...

„ГАЙ-ДА, ТРОЙКА!"

Гай-да, тройка! Снѣгъ пушистый,
Ночь морозная кругомъ;
Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый,
Мчится парочка вдвоемъ.
 Милый шепчетъ увѣренья,
 Ласково въ глаза глядитъ,
 А она полна смущенья:
 Что-то ей любовь сулитъ?

Такъ съ тревожными мечтами
Вдаль все мчалася она,
И не помнитъ, какъ съ устами
Вдругъ слилися ихъ уста.
Гай-да, тройка! Снѣгъ пушистый,
Ночь морозная кругомъ;
Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый...
Мчится парочка вдвоемъ.
Ужъ смѣнилась ночь зарею,
Утра часъ насталъ златой,
Тройка мелкою рысцою
Возвращается домой.
Ахъ, надолго-ль это счастье?
Не мелькнули бы какъ сонъ
Эти ласки сладострастья
И вина бокаловъ звонъ!
Гай-да, тройка! Снѣгъ пушистый,
Ночь морозная кругомъ;
Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый,
Вновь поѣдутъ ли вдвоемъ?

ЗАХОЧУ — ПОЛЮБЛЮ.

Я степей и воли дочь,
Я заботъ не знаю.
Напляшусь за цѣлу ночь —
День весь отдыхаю.
Захочу — полюблю,
Захочу — разлюблю,
Я надъ сердцемъ вольна,
Жизнь на радость мнѣ дана.

Нашъ отецъ — широкій Донъ,
Наша мать — Россія!
Намъ повсюду путь воленъ,
Всѣ мѣста родныя.
Захочу — полюблю и т. д.
Подари мнѣ, молодецъ,
Красные сапожки!
Ахъ, разорю тебя въ конецъ
На однѣ сережки!
Захочу — полюблю и т. д.

УМОРИЛАСЬ.

Я на горку шла,
На пригорокъ шла,
Уморилась, уморилась, уморилася!
На пригорочекъ взошла,
Я на травку прилегла,
Уморилась, уморилась, уморилася!
Я на травочкѣ лежу,
На тропиночку гляжу,
Уморилась, уморилась, уморилася!
Не идетъ ли милый мой,
Раскрасавецъ дорогой?
Уморилась, уморилась, уморилася!
Я ласкала, цѣловала,
Крѣпко, крѣпко обнимала,
Уморилась, уморилась, уморилася!
Я Вамъ пѣла и плясала,
А теперь совсѣмъ устала,
Уморилась, уморилась, уморилася!

ВСѢ ГОВОРЯТЪ.

Всѣ говорятъ, что я вѣтрена бываю,
Всѣ говорятъ, что любить я не могу,
Но почему же я всѣхъ забываю
И лишь его я забыть не могу. (2 раза).

Многихъ любила, всѣхъ я позабыла,
Лишь одного я забыть не могу!
Но почему же я всѣхъ забываю,
И лишь его я забыть не могу (2 раза).

Не отравляйте душу мнѣ больную,
Не вспоминайте о немъ, я васъ молю!
Лучше въ могилу кладите живую
Но не скажу вамъ, кого я люблю (2 раза).

ЛЮБИЛА МЕНЯ МАТЬ.

Любила меня мать, обожала,
Что я ненаглядная дочь,
А дочь съ другомъ убѣжала
Въ осеннюю темную ночь.

Бѣжала я лѣскомъ дремучимъ,
Бѣжала я рощей густой,
Взглянула на небо, вздохнула
И вспомнила домъ свой родной.

На что мнѣ зеленая роща?
На что мнѣ родительскій домъ?

Какъ вспомню я милаго рѣчи,
Зальюся я горькой слезой.

Куплю я коробочку спичекъ
И въ теплой водѣ разведу,
И долго я думать не стану,
Сейчасъ я отраву приму!

Отрава моя не дорогая,
Всего только стоитъ пятакъ,
А жизнь ты, проклятая, злая!
Сейчасъ загублю тебя я! Такъ

Подруга подругѣ сказала:
:Прими же отраву и ты,
Со свѣту меня ты согнала,
Умри же несчастная и ты!"

Подруги мои, приходите,
Я буду лежать на столѣ,
Прошу васъ, меня не судите,
Заройте мой трупъ въ тишинѣ!"

ЗАБЫТЫ НѢЖНЫЯ ЛОБЗАНЬЯ.

Забыты нѣжныя лобзанья,
Уснула страсть, прошла любовь,
И радость новаго свиданья,
Ужъ не волнуетъ больше кровь.
На сердцѣ гнетъ нѣмыхъ страданій,
Счастливыхъ дней не воротить,
Нѣтъ сладкихъ грезъ, былыхъ мечтаній,
Напрасно вѣрить и любить,

Такъ вѣтеръ всю красу наряда
Съ деревьевъ осенью сорветъ
И по тропамъ унылымъ сада
Сухіе листья разнесетъ.
Ихъ далеко разгонитъ вьюга,
Покрывши снѣжной пеленой,
На-вѣкъ раздѣлитъ другъ отъ друга
Кружа надъ мерзлою землей.

БРОДЯГА.

По дикимъ степямъ Забайкалья,
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащится съ сумой на плечахъ.

Идетъ онъ густою тайгой,
Гдѣ пташки однѣ лишь поютъ,
Котелъ его съ боку тревожитъ,
Сухарки съ ложкою бьютъ.

На немъ рубашенка худая,
И множество разныхъ заплатъ,
Шапченка на немъ арестанта
И сѣрый тюремный халатъ.

Бродяга къ Байкалу подходитъ,
Рыбачью тамъ лодку беретъ,
Унылую пѣснь заводитъ
Про родину что-то поетъ.

Оставилъ жену молодую,
И малыхъ оставилъ дѣтей;
Теперь я иду наудачу:
Богъ знаетъ, увижусь ли съ ней!

Бродяга Байкалъ переѣхалъ,
На встрѣчу родимая мать;
„Ахъ, здравствуй, ахъ, здравствуй, мамаша!
Здоровъ-ли отецъ, хочу знать?“

„Отецъ твой давно ужъ въ могилѣ,
Давно ужъ землею зарытъ;
А братъ твой давно ужъ въ Сибири,
Давно кандалами гремитъ!

Пойдемъ же, пойдемъ, мой сыночекъ,
Пойдемъ мы въ курень нашъ родной!
Жена тамъ по мужу скучаетъ,
И плачутъ дѣтишки гурьбой!“

НЕ УХОДИ.

Не уходи, побудь со мной,
Мнѣ такъ отрадно и свѣтло,
Уста, и очи, и чело } 2 раза.
Я поцѣлуями покрою }
Побудь со мной, побудь со мной.

Не уходи, побудь со мной,
Я такъ давно тебя люблю,
Тебя я лаской огневой } 2 раза.
И обожгу, и утомлю; }
Побудь со мной, побудь со мной.

Не уходи, побудь со мной,
Пылаетъ страсть въ моей груди,
Восторгъ любви насъ ждетъ съ тобой,
Не уходи, не уходи
Побудь со мной, побудь со мной (2 раза).

И ДЛЯ МЕНЯ ПРИДЕТЪ ВЕСНА.

Весна идетъ... манитъ... зоветъ...
Кличъ вешній съ горъ, лѣсовъ несется...
Весна идетъ, и сердце бьется;
И для меня весна придетъ,
И для меня весна придетъ!

И соловей въ тиши ночной
И для меня въ лѣсу зальется...
Весна идетъ, и сердце бьется;
И пѣсня просится звончѣй
И пѣсня просится звончѣй!

Весна идетъ, мечты несетъ...
Съ разлуки милый мой вернется!
Весна идетъ, и сердце бьется;
И для меня весна придетъ,
И для меня весна придетъ!

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣвъ у насъ въ горахъ,
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ.
Съ ними жить — завидна доля,
Но еще милѣе воля!
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!
Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ избралъ худой удѣлъ;

Въ шумный бой онъ не поскачетъ.
Отчего? — жена заплачетъ!
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!
Не измѣнитъ добрый конь,
Съ нимъ — и въ воду и въ огонь.
Онъ, какъ вихрь, въ степи широкой, —
Съ нимъ все близко, что далеко!

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!

ПОДЪ ВЕЧЕРЪ ОСЕНЬЮ НЕНАСТНОЙ.

Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.

Все было тихо; лѣсъ и горы —
Все спало въ сумракѣ ночномъ.
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньи,
Вздохнувъ, остановила ихъ:
„Ты спишь, дитя, — мое мученье —
Не знаешь горестей моихъ.

Откроешь очи и, тоскуя,
Ты не прильнешь къ груди моей,

Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь,
Мнѣ вѣчный стыдъ, вина моя,
Меня навѣки ты забудешь,
Но не забуду я тебя.

Дадутъ пріютъ тебѣ чужіе
И скажутъ: ты для насъ чужой.
Ты спросишь: гдѣ жъ мои родные?
И не найдешь семьи родной.

Несчастный будешь съ грустной думой
Томиться межъ чужихъ дѣтей
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.

Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу мою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь... позволь тебя, несчастный
Прижать къ груди послѣдній разъ,
Поступокъ мой, твой рокъ ужасный —
Къ страданью осуждаетъ насъ.

Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый, — горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней“.

Но вдругъ за рощей освѣтила
Вблизи ей хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла
Къ дверямъ приблизилась она.

Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой,
Со страхомъ очи отвратила
И скрылась въ темнотѣ ночной.

ГУСАРЪ.

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
Вздыхая, онъ сказалъ:

„Не плачь, красавица: слезами
Кручинѣ злой не пособить;
Клянусь я честью и усами
Въ любви не измѣнить.

Не плачь, красавица: слезами
Кручинѣ злой не пособить;
Но, если измѣню, усами
Клянусь, — наказанъ быть.

Тогда мой вѣрный конь споткнется,
Летя во вражій станъ стрѣлой,
Уздечка бранная порвется,
И стремя лопнетъ подъ ногой.

Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха
Изломится, какъ прутъ гнилой,
И я, блѣднѣя весь отъ страха,
Явлюсь передъ тобой!“

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ,
Булатъ въ рукѣ не изломался,
И честь гусара съ нимъ.

Но онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвалъ въ чужбинѣ счастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала:
Любовь — красавицамъ игрушка,
А клятвы ихъ — слова.

Здѣсь все, друзья, измѣной дышетъ,
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ:
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

ТОСКА.

„Осѣдлаю коня, коня быстраго,
Полечу, понесусь легкимъ соколомъ
Отъ тоски, отъ змѣи въ поле чистое;
Размечу по плечамъ кудри черные;
Разожгу, распалю очи ясныя —
Ворочусь, пронесусь вихремъ вьюгою:
Не узнаетъ меня баба старая!

„Заломлю набекрень шапку бархатну:
Загужу, забренчу въ гусли звонкія,

Побѣгу, полечу къ краснымъ дѣвушкамъ,
Прогуляю съ утра до ночной звѣзды,
Попирую съ зари до полуночи,
Прибѣгу, прилечу съ пѣсней, съ посвистомъ—
Не узнаетъ меня баба старая!“

— „Полно, полно тебѣ похваляться, князь!
Мудрена я, тоска: не схоронишься!
Въ темный лѣсъ оберну красныхъ дѣвушекъ,
Въ гробовую доску — гусли звонкія,
Изорву, изсушу сердце буйное;
Прежде смерти сгоню съ свѣта Божьяго:
Изведу я тебя, баба старая!“

Не постель постлана въ свѣтломъ теремѣ:
Черный гробъ тамъ стоитъ съ добрымъ молодцемъ:
Въ изголовьи сидитъ красна дѣвица;
Горько плачетъ она, что ручей шумитъ,
Горько плачетъ она, поговариваетъ:
„Погубила тоска друга милаго!
Извела ты его, баба старая!“

ЛОВИ ЧАСЫ ЛЮБВИ.

Лови, лови часы любви,
Минуты наслажденья!
Летитъ она, любви весна,
Блаженное мгновенье!
Одной весной
Своей красой
Насъ роза восхищаетъ;

И соловей
Въ тиши ночей
Весною напѣваетъ;
И жизнь мила
И жизнь свѣтла,
Какъ грѣетъ сердце младость.
Любить, любить,
Лобзанья пить, —
Вотъ нашей жизни сладость!
Летитъ стрѣлой
Нашъ вѣкъ младой
Какъ дивное видѣнье!

ДОНЪ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Какъ прославленнаго брата,
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса до Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ.

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди;
Что ты былъ и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна,
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба
Какъ старушка стоитъ.
Вспомни время свое,
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой.
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу

Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь
И весь день на печи
Безпросыпу лежишь.
А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ;
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ!
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

ДОРОЖЕНЬКА.

Не одна въ полѣ дороженька,
Въ полѣ пролегала,
Частымъ ельничкомъ, березничкомъ
Бѣлымъ зарастала.

Какъ нельзя-то мнѣ къ сударушкѣ,
Нельзя въ гости ѣхать:

Хоть задумалъ бы къ сударушкѣ
Къ своей въ гости ѣхать;
Хоть поѣду я къ сударушкѣ, —
Къ милой не доѣду;
Хоть доѣду я къ сударушкѣ,
Всю ночь протоскую.

Я спрошу свою сударушку,
Спрошу про здоровье:
„Ты здорова ли, сударушка?
Какъ живешь ты, можешь?“

ВО ПОЛѢ БЕРЕЗА.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.
    Ахъ, люли, люли, стояла!
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати!
    Ахъ, люли, люли, заломати!
Какъ пойду я, погуляю, —
Бѣлую березу заломаю!
    Ахъ, люли, люли, заломаю!
Срѣжу съ березки три пруточка,
Сдѣлаю я три гудочка!
    Ахъ, люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалайку.
Ужъ вы, гудки, не гудите!
    Ахъ, люли, люли, не гудите!
Ужъ вы, гудки, не гудите,
Стараго мужа не будите!
    Ахъ, люли, люли, не будите!

Старый мужъ спитъ съ похмелья,
Съ великаго перепоя...
Ахъ, люли, люли, перепоя!
Выйду я на новыя сѣни,
Стану я стараго будити!
Ахъ, люли, люли, будити!
Встань, мой старый, пробудися!
Вотъ тебѣ помои — похмелися!
Ахъ, люли, люли, похмелися!
Вотъ тебѣ водицы, ты умойся!
Вотъ тебѣ онуча, ты утрися!
Ахъ, люли, люли, утрися!
Вотъ тебѣ лопата, поклонися!
Вотъ тебѣ камень, подавися!
Ахъ, люли, люли, подавися!

ГОРНЫЯ ВЕРШИНЫ.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы;
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

ВѢТЕРОЧЕКЪ.

Разъ красотка молодая,
Поздно вечеромъ гуляя,
Къ быстрой рѣчкѣ подошла
И на травкѣ прилегла.

Вѣтерочекъ чуть-чуть дышетъ,
Вѣтерочекъ не колышетъ,
Въ чистомъ полѣ ни цвѣтка,
Въ темномъ лѣсѣ ни листка.
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля.
Слышенъ шопотъ, слышенъ говоръ
Поцѣлуевъ нѣжныхъ губокъ,
Но теперь ужъ не одна
Поцѣлуевъ ждетъ она.
Вѣтерочекъ чуть-чуть дышетъ, и т. д.
Наша дѣвица сначала
Съ вѣтеркомъ одна вздыхала,
А потомъ она, потомъ,
Очутилася вдвоемъ, ай-ай.
Вѣтерочекъ чуть-чуть дышетъ, и т. д.

ЛАСТОЧКА.

Вѣтерокъ нѣжно травку колышетъ,
Вся природа истомой полна;
Все кругомъ нѣгой сладострастной дышетъ,
Знойнымъ жаромъ горятъ небеса.
Мы вдвоемъ съ ней на травкѣ сидѣли,
Насъ укромно скрывали кусты,
А надъ нами все ласточки пѣли,
И сильнѣй опьяняли цвѣты.

Пой ласточка пой,
Дай сердцу покой!
Пѣсню ту повтори
Про счастье любви!

КАКЪ У НАШИХЪ У ВОРОТЪ.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.
  Ой, люли! ой, люли!
  Стоитъ озеро воды.
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротикамъ приводилъ!
  Ой, люли! ой, люли!
  Къ воротикамъ приводилъ!
Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ...
  Ой, люли! ой, люли!
  Красной дѣвкѣ приказалъ:
Красна дѣвица, душа!
Сбереги добра коня.
  Ой, люли, ой, люли!
  Сбереги добра коня.
Сбереги добра коня,
Коня тысячнаго!
  Ой, люли! ой, люли!
  Коня тысячнаго!
Не сорвалъ бы повода,
Не сломалъ бы удила.
  Ой, люли! ой, люли!
  Не сломалъ бы удила.
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ.
  Ой, люли! ой люли!
  Словно павушка плыветъ.
На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ.

Ой, люли! ой люли!
Лента алая въ косѣ.
На головушкѣ перо, —
Хоть пятьсотъ рублей дано.
Ой, люли! ой люли!
Хоть пятьсотъ рублей дано.
Хоть пятьсотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно.
Ой, люли! ой люли!
Стоитъ тысячи оно.

ОРЕЛЪ МОЛОДОЙ.

(Узникъ).

Сижу за рѣшеткой
Въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ
Орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ,
Махая крыломъ,
Кровавую пищу
Клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ и бросаетъ
И смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною
Задумалъ одно.
Зоветъ меня взглядомъ
И крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ:
„Давай улетимъ!
Мы — вольныя птицы:
Пора, братъ, пора!..

Туда, гдѣ за тучей
Бѣлѣетъ гора.
Туда, гдѣ синѣютъ
Морскія края,
Туда, гдѣ гуляетъ
Лишь вѣтеръ да я!“

ОЧИ ГОЛУБЫЯ.

Очи, очи голубыя,
Мнѣ васъ больше не встрѣчать!
Дѣвы, дѣвы молодыя,
Вамъ меня ужъ не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны,
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.

Ахъ, на что же оживили
Предо мной мои мечты,
Сердцу сладостныя были
Ласки юной красоты?

Мнѣ ль привѣтливымъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ...

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ,
Но скалы и тайныя мели
И бури ему нипочемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ.
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника сына
И старую гвардію онъ.
И только что землю родную

Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ, —
И снова ихъ громко зоветъ.
Зоветъ онъ любезнаго сына —
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ, —
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ;
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный
Главу опустивши на грудь,

Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

ТАМЪ, ГДѢ МОРЕ...

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ, —
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ;
И, ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой талисманъ;
Въ немъ таинственная сила, —
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ;
И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ;
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной, на сѣверъ съ юга,
Не умчитъ мой талисманъ.
Но, когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи

Поцѣлуютъ, не любя, —
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны и забвенья
Сохранитъ мой талисманъ".

НЕ ШЕЙ МНѢ МАТУШКА...

„Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ,
Не входи, родимая,
Попусту въ изъянъ.
Рано мою косыньку
На двѣ расплетать,
Прикажи мнѣ русую
Въ ленты убирать;
Пускай, не покрытая
Шелковой тафтой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой.
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужъ,
Охать да вздыхать?
Золотая волюшка,
Мнѣ милѣй всего,
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего".
— „Дитя, мое дитятко,
Дочка милая,
Головушка бѣдная,
Неразумная!

Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать.
На щекахъ заблекнутъ вѣдь
Маковы цвѣты,
Прискучатъ забавушки,
Стоскуешься ты.
А мы и при старости,
Себя веселимъ, —
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ".

ТРОЙКА.

Что ты жадно глядишь на дорогу,
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать сердечко забило тревогу,
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.
И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослѣдъ?
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.
На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь, —
Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ, черныхъ, какъ ночь;
Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ;
Изъ-подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ.
Взглядъ одинъ чернобровой дикарки,

Полный чаръ, зажигающій кровь,
Старика разоритъ на подарки,
Въ сердцѣ юноши кинетъ любовь.
Поживешь и попразднуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка,
Да не то тебѣ пало на долю —
За неряху пойдешь мужика.
Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь...
Будетъ бить тебя мужъ-привередникъ,
И свекровь въ три погибели гнуть;
Отъ работы и черной и трудной
Отцвѣтешь, не успѣвши расцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
Будешь няньчить, работать и ѣсть.
И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни, появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный вѣчный испугъ.
И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.
Не гляди же съ тоской на дорогу
И за тройкой вослѣдъ не спѣши
И тоскливую въ сердцѣ тревогу
Поскорѣй навсегда заглуши.
Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки:
Кони крѣпки, и сыты, и бойки,
И ямщикъ подъ хмелькомъ, и къ другой
Мчится вихремъ корнетъ молодой.

СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ.

Среди долины ровныя
На гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ
Въ могучей красотѣ.

Высокій дубъ, развѣсистый,
Одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ бѣдняжечка
Какъ рекрутъ на часахъ!

Взойдетъ ли красно солнышко:
Кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ ли погодушка:
Кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близъ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вокругъ него.

Ахъ, скучно одинокому
И деревцу расти!
Ахъ, горько, горько молодцу
Безъ милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота:
Кому ихъ подарить?
Есть много славы, почестей,
Но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми:
Поклонъ — да былъ таковъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими:
Поклонъ да пару словъ.

Однихъ я самъ пугаюся,
Другой бѣжитъ меня, —
Всѣ други, всѣ пріятели
До чернаго лишь дня!

Гдѣ жъ сердцемъ отдохнуть могу,
Когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, —
На помощь не придетъ!

Ни роду нѣтъ ни племени
Въ чужой мнѣ сторонѣ;
Не ластится любезная
Подруженька ко мнѣ!

Не плачется отъ радости
Старикъ, глядя на насъ;
Не вьются вкругъ малюточки,
Тихохонько рѣзвясь!

Возьмите же все золото,
Всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую,
Мнѣ милой дайте взглядъ.

ОПЬЯНѢЛА.

Говорятъ, я опьянѣла,
Но вина я не пила;
И кому какое дѣло,
Если стала вдругъ пьяна.
Опьянѣла, опьянѣла,
Закружилась голова (2 раза).

Нѣтъ, не хмѣль меня дурманитъ,
Кружитъ голову не онъ...
Разъ кто выпилъ, пьянъ не станетъ,
Тотъ напитокъ всѣмъ знакомъ!
Опьянѣла, опьянѣла,
Закружилась голова (2 раза).
Хоть напитокъ винтильняя,
Онъ дурманитъ и крутитъ,
Отъ него мнѣ веселѣе,
Сердце бьется и болитъ.
Опьянѣла, опьянѣла,
Закружилась голова (2 раза).
Опьянѣла я невольно,
Загорѣлась страстью кровь!
Сердцу сладко... сердцу больно —
Вѣдь напитокъ тотъ — любовь!
Опьянѣла, опьянѣла,
Закружилась голова (2 раза).

ИВУШКА.

Ивушка, ивушка, зеленая моя!
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?
Или тебя, ивушка, солнышкомъ печетъ,
Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
Подъ самый корешокъ ключева вода течетъ?
Ѣхали бояре изъ Нова-города:
Срубили ивушку подъ самый корешокъ
Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку;
Сѣли они въ лодочку, поѣхали домой,
Взяли, подхватили красну дѣвицу съ собой.

Стали они дѣвицу выспрашивати:
— „Дѣвица-дѣвица, красавица моя!
Что же ты, дѣвица, не весело сидишь?
Или ты, красная, думаешь о чемъ?“
— „Какъ же мнѣ, красной, не задумываться!
Что это у батюшки выдумано,
У родимой матушки выгадано? —
Меньшую сестру прежде замужъ отдаютъ;
Меньшая сестра чѣмъ же лучше меня,
Лучше меня или вѣжливѣе?
Меньшая сестра вѣдь ни ткать ни прясть,
Только по воду ходить, съ горы ведра катить.
Качу я, покачу съ горы ведра,
Станьте вы, ведерочки, полными-полны,
Полными-полны, съ краями равны“.

СТРАДА.

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Врядь-ли труднѣе сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!
Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палитъ.
Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую —

Некогда кровь унимать.
Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки —
Надо ребенка качать!
Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣснь о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!..
Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею, —
Право, сказать мудрено,
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею
Канутъ они — все равно!
Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны-ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ квaскомъ пополамъ.

НЕ ГОВОРИ ХОЛОДНАГО ПРОЩАЙ.

Не говори холоднаго прощай,
Но ласково мнѣ молви до свиданья,
Но, дорогая, знай,
Что буду я томиться ожиданьемъ,
Что для меня теперь,
Съ тобою быть или не быть:
Вопросомъ стало: жить или не жить,
Не отравляй счастливыхъ грезъ мечты:
Я приговоръ твой жду.
Разсѣй страданье: но, радость моя, знай,
Что ты одно мое очарованье,
Дай этихъ чудныхъ глазъ
Мнѣ посмотрѣть хоть разъ,
Потомъ рѣшай: мнѣ жить или не жить!

ЛУЧИНА.

„Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, моя лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была,
Въ печи не была, не высушена?“
— „Я была въ печи вчерашней ночи,
Лютая свекровушка въ печку лазала,
Меня, горькую лучинушку, все залила“.
— „Дѣвушки-подруженьки, ложитеся спать;
Ложитеся спать, — вамъ некого ждать,
А мнѣ, молоденькѣ, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать — мила-друга ждать“.

ЛЮБУШКА-СОСѢДКА.

Долго не сдавалась Любушка-сосѣдка,
Наконецъ шепнула: „Есть въ саду бесѣдка.
Какъ темнѣе станетъ — понимаешь ты?..“
Ждалъ я, изстрадался, ночки темноты!
Кровь-то молодая: закипитъ — не шутка!
Да взглянуть на небо — и повѣрить жутко!
Небо обложилось тучами кругомъ...
Полилъ дождь ручьями, покатился громъ!
Брови я нахмурилъ и пошелъ угрюмый.
„Свидѣться сегодня лучше и не думай!
Люба — бѣлоручка, Любушка — пуглива,
Въ бурю за ворота выбѣжать ей въ диво.
Правда не была бы буря ей страшна,
Если бъ... Да настолько любитъ ли она?..“
Безъ надежды, скученъ прихожу въ бесѣдку.

Прихожу и вижу — Любушку-сосѣдку!
Промочила ножки, и хоть выжми шубку.
Было жъ мнѣ заботы обсушить голубку!
Да зато съ той ночи я бровей не хмурю!
Только усмѣхаюсь, какъ заслышу бурю...

ПО УЛИЦѢ МОСТОВОЙ.

По улицѣ мостовой, по широкой столбовой,
Шла дѣвица за водой, за ней парень молодой,
Кричитъ: „Дѣвица, постой! Красавица погоди!
Пойдемъ вмѣстѣ за водой, за холодной ключевой,
За холодной ключевой, намъ охотнѣе съ тобой!“
— „Ахъ, ты, парень-паренекъ, твой глупенькій разумокъ,
Не кричи во весь народъ: мой батюшка у воротъ,
Зоветъ меня въ огородъ чесноку-луку полоть,
Маку сѣянова, луку зеленова.
И я во праву руку — луку, во лѣвую — чесноку,
Сама по цвѣтики пойду, по лазоревые.
Я по цвѣтикамъ ходила, по лазоревымъ гуляла,
По лазоревымъ гуляла, цвѣта алова искала;
Не нашла цвѣта такого, супротивъ свово милого;
Какъ мой миленькій хорошъ, чернобровъ, душа, пригожъ!
Ручки въ пазушку положь, мнѣ подарочекъ принесъ,
Подарочекъ дорогой, съ руки перстень золотой;
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь;
Не хочу перстня носить, стану такъ дружка любить!“

У ВОРОТЪ ТЮРЕМНЫХЪ.

У воротъ, у высокихъ тюремныхъ,
Прислонившись, старушка стоитъ,
Ожидая сынка средь конвойныхъ,
Боязливо и слезно глядитъ.
Приплелась она, старая, трудно
Издалека его повидать:
Разсказать было кое-что нужно,
Какъ живется ему, все узнать.
На рукахъ у ней внучекъ безъ страха
Все лепечетъ: „Что жъ тятя нейдетъ?“
— „Погоди, — унимаетъ старуха, —
Вонъ и батька съ солдатомъ идетъ“.
И въ дверяхъ показался конвойный,
А за нимъ и желанный сынокъ,
На года въ этотъ домъ заключенный,
Что среди всѣхъ въ немъ одинокъ.
Лишь увидѣлъ онъ мать дорогую,
Какъ на руки ея вдругъ упалъ,
Обнимая, цѣлуя родную,
На иссохшей груди зарыдалъ.
И ребенка скорѣе хватаетъ,
Слезы льетъ на головку его,
Къ наболѣвшей груди прижимаетъ,
Крѣпко держитъ сынка своего.
Наконецъ арестантъ приподнялся,
Молвилъ: „Матушка! тяжко тутъ мнѣ.
Какъ тамъ батюшка дома остался?
Все тоскуетъ, поди, чай, по мнѣ?“
— „И, вѣстимо, касатикъ, тоскуетъ!
День денской о тебѣ говоритъ,
Постоянно старикъ все горюетъ,

Если бъ зналъ ты, — дни, ночи не спитъ".
— „Тятя, тятя, — сынокъ встрепенулся —
Полно, будетъ меня обнимать,
Дома дѣдъ мой тебя не дождется.
Ѣдемъ въ бабки со мною играть!"
Но несчастный, прощаясь печально,
Цѣловалъ со слезами родныхъ,
Имъ махнувши рукою, и грустно
Поскорѣе ушелъ отъ своихъ.
А сыночекъ, встряхнувъ головою,
Продолжалъ вслѣдъ отцу все кричать:
„Тятя, тятя, а въ бабки со мною
Почему же не хочешь играть?.."

ОКРАСИЛСЯ МѢСЯЦЪ БАГРЯНЦЕМЪ.

Окрасился мѣсяцъ багрянцемъ,
Гдѣ море шумѣло у скалъ.
— Поѣдемъ, красотка, кататься,
Давно я тебя ожидалъ.

— Спасибо, я ѣду охотно:
Я волны морскія люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду къ рулю.

— Ты правишь въ открытое море,
Гдѣ съ бурей не справиться намъ
Въ такую шальную погоду
Нельзя довѣряться волнамъ.

— Нельзя? почему, дорогой мой?
Въ минувшей той горькой судьбѣ

Ты вспомни, измѣнщикъ коварный,
Какъ я довѣрялась тебѣ.

Меня обманулъ ты однажды,
Сегодня тебя провела,
Смотри же, вотъ ножикъ булатный,
Который не даромъ взяла.

Ты брось предъ погибелью весла,
Спасти чтобъ никто нхъ не могъ...
Поутру приплыли два трупа
И съ ними разбитый челнокъ.

ШУМѢЛЪ-ГОРѢЛЪ ПОЖАРЪ МОСКОВСКІЙ.

Шумѣлъ-горѣлъ пожаръ московскій,
Дымъ разстилался по рѣкѣ.
А на стѣнахъ, вдали, кремлевскихъ
Стоялъ онъ въ сѣромъ сюртукѣ.

И призадумался великій,
Скрестивши руки на груди, —
Онъ видѣлъ огненное море,
Онъ видѣлъ гибель впереди.

И, притаивъ свои мечтанья,
Свой взоръ на пламя устремилъ,
И тихимъ голосомъ сознанья
Онъ самъ съ собою говорилъ:

„Зачѣмъ я шелъ къ тебѣ, Россія,
Европу всю держа въ рукахъ, —
Теперь съ поникшей головою
Стою на крѣпостныхъ стѣнахъ.

Войска всѣ, созванныя мною,
Погибнутъ здѣсь среди снѣговъ,
Въ поляхъ истлѣютъ наши кости,
Безъ погребенія... гробовъ"...

Судьба играетъ человѣкомъ,
Она измѣнчива всегда:
То вознесетъ его высоко,
То броситъ въ бездну безъ стыда.

КАРІЕ ГЛАЗКИ.

Каріе глазки, гдѣ вы скрылись?
Мнѣ васъ больше не видать!
Отъ кого вы удалились?
Навѣкъ заставили страдать!

Я страдаю, страдать буду,
Буду плакать... Тяжко мнѣ...
Тебя, мой милый, не забуду,
Въ какой бы ни жилъ сторонѣ.

Но какая злая сила
Меня заставила любить?
Ахъ, знаю, злѣе крокодила
Любовь! Могу ль ее забыть?

Катись, слеза моя горюча,
Катись по бѣлому лицу!
Лети, письмо мое, скорѣе
Ко другу милу моему!

Милый приметъ, прочитаетъ
И, можетъ, вспомнитъ обо мнѣ.

Пойду я съ горя въ чисто поле,
Пойду въ дремучіе лѣса!

Закричу я шибко, громко,
Звѣрей лютыхъ созову:
Ахъ, вы, звѣри, мои звѣри,
Звѣри лютые мои!

Растерзайте тѣло бѣло
Выньте сердце изъ меня,
Отнесите мое сердце
Къ другу милу моему!“

Милый взглянетъ, ужаснется,
Вспомнитъ, что его люблю,
Что о немъ всегда страдаю,
Молодую жизнь гублю!

Ну, зачѣмъ о немъ страдаю?
Зачѣмъ я мучусь много дней?
Я горьки слезы проливаю,
Жалѣю участи своей.

Ужъ ты участь, моя участь!
Какъ же мнѣ на свѣтѣ жить?
Ну, зачѣмъ же моя участь
Меня заставила любить?

ВЕРЕВОЧКА.

Черноокій парень бравый
На заваленкѣ сидѣлъ,
Вилъ веревочку дѣтина
Пѣсню громкую самъ пѣлъ (2 раза).

Вейся, вейся, неразвейся
Ты, веревочка моя,
    Для чего ты пригодишься,
    Той судьбы не знаю я (2 раза).

Можетъ быть, ты пригодишься
Въ позднюю осень бурлакамъ,
    Или раннею весною
    Парня свяжутъ по рукамъ (2 раза).

Будь легка, какъ плеть шелкова,
Ты веревочка моя,
    Завтра рано на базарѣ
    Я купцу продамъ тебя (2 раза).

И за эту, за веревочку
Накуплю гостинцевъ я,
    И за эти за гостинцы
    Расцѣлую у крыльца (2 раза).

Не пришлося мальчугану
Той веревочки продать,
    Не пришлося той красотки
    Въ алы губки цѣловать (2 раза).

Съ старикомъ пошла бѣдняжка,
Та красотка, подъ вѣнецъ...
    А на этой, на веревочкѣ
    Жизнь покончилъ молодецъ (2 раза).

ВСПОМНИ, МОЙ ЛЮБЕЗНЫЙ...

Вспомни, вспомни, мой любезный,
Нашу прежнюю любовь,
Какъ съ тобой мы обѣщались
Вѣчно другъ друга любить;

Какъ одинъ мы безъ другого
Не могли на свѣтѣ жить.
А теперь же что случилось?
Въ одинъ часъ могъ измѣнить!

Измѣнилъ священной клятвѣ,
Ты другую полюбилъ:
Полюбивши ты другую,
Дозволяю, другъ, женись.

Ты женись, женись, мой милый,
Женись, радость, дорогой,
Я сама, сама, мой милый,
Тебѣ навѣкъ измѣню.

Ты летишь къ вѣнцу въ каретѣ,
А мнѣ черный гробъ несутъ;
Подадутъ свѣчи вѣнчальны —
Ты обручишься съ другой.

Въ одно времячко надѣнутъ
На насъ, милый другъ, вѣнцы:
Твой вѣнецъ будетъ не вѣчный,
А мой вѣчный навсегда.

О своемъ ты будешь плакать,
Вспомни твою клятву мнѣ,
И не разъ, мой другъ, вспомянешь,
Какъ любила я тебя.

Но не бойся, мойлюбезный,
Все прощаю я тебѣ;
Ты приди-ка, другъ мой милый,
На могилку на мою.

Прочитай же, мой любезный,
Золотыя литера,
Золотыя литера,
Чья любезная была.

НЕ ТАКОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой:
Холостому вотъ жениться, —
Все равно, что удавиться.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой,
Какъ, бывало, холостой.

Въ людяхъ онъ все душкой кличетъ,
А какъ дома — въ морду тычетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой,
Какъ, бывало, холостой.

Прежде въ вальсѣ и мазуркѣ
Вымышлялъ свои фигурки.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой,
Какъ, бывало, холостой.

Онъ сидитъ, надувши губы,
Что ни скажетъ, — все сквозь зубы.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Совсѣмъ сталъ не такой,
Какъ, бывало, холостой,
Какъ, бывало, холостой.

СКАЖИ НАМЪ, ТОВАРИЩЪ, ЗА ЧТО ТЫ ПОПАЛЪ ВЪ РУДНИКИ.

— Скажи намъ, товарищъ нашъ вѣрный,
За что ты попалъ въ рудники? Для чего?
— Скажу я вамъ, братцы, всю правду,
Всю правду, — не скрою отъ васъ ничего.

Я шайки былъ грознымъ тогда атаманомъ,
Имѣлъ шестьдесятъ я лихихъ молодцовъ,
Любилъ нападать на проѣзжихъ
И грабить и брать грабежомъ возниковъ.

Когда перерѣжемъ мы всѣхъ возниковъ,
Купцовъ же съ собою мы въ лагерь возьмемъ.
Развѣсимъ ихъ тамъ на деревья
И шкуру ремнями мы ихнюю сдеремъ!

Коль захочется намъ по дѣвочкѣ —
Село иль деревню сейчасъ же зажжемъ,
Крестьянскія избы дочиста ограбимъ,
Дѣвчонокъ, молодокъ съ собой заберемъ.

Любилъ я ходить по лѣсу въ одиночку
Съ товарищемъ вѣрнымъ своимъ я, ножомъ,
Любилъ нападать я тамъ на проѣзжихъ
И грабить болотныхъ богатыхъ купцовъ.

Никакъ не забыть мнѣ той ночи послѣдней.
Была ночь темна, и я изъ лѣсу вышелъ съ дубиной;
На небѣ свѣтила красиво и свѣтло луна.
Чу! два путника идутъ, — и я вышелъ, дѣтина.

Забилось отъ радости ретивое сердце мое:
Одинъ монахъ пожилой, другой странникъ былъ.
Идутъ и бесѣду ведутъ межъ собой.
Я вышелъ изъ-за куста и разомъ обоихъ убилъ.

Обшаривъ въ карманахъ, четыре копейки нашелъ.
За эти четыре копейки въ рудники пришелъ.
Въ одномъ изъ убитыхъ отца я родного узналъ...
И палъ передъ нимъ на колѣни, над трупом рыдалъ.

Какой-то поутру крестьянинъ тамъ шелъ,
Невзначай на убитыхъ тогда онъ напалъ,
Поймали. И я во всемъ преступленіи сознался,
И годъ до суда я въ тюрьмѣ пострадалъ.

НАСТАЛА КРОВАВАЯ БРАНЬ...

Настала кровавая брань на враговъ
И въ битву помчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любимъ,
Былъ долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ!

Прощаясь съ женою, сказалъ: „Будь вѣрна!“
— „Вѣрна до могилы“, сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разбилъ супостата копьемъ и мечомъ,
Безстрашный наѣздникъ всегда впереди,
Свидѣтели — раны, и всѣ на груди.
Окончились битвы, онъ ѣдетъ домой,
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой;
Уже достигаетъ Урала бреговъ
И видитъ навстрѣчу идущихъ отцовъ;
Казакъ нашъ объемлетъ отца своего,
Но въ тайной печали онъ видитъ его.
„Повѣдай, родиный, повѣдай ты мнѣ
О матери милой, о милой женѣ“.
Старикъ отвѣчалъ: „Здорова семья,
Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
Тебѣ измѣнила младая жена,
Зато отъ печали изсохла она.
Раскаянье видя, простили мы ей,
Прости ее, сынъ мой, мы просимъ о ней“.
Ни слова отвѣта; идетъ онъ съ отцомъ
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ;
Упала на грудь его матерь въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, иконамъ святымъ,
Какъ быть, помолился съ поклономъ земнымъ, —
Вдругъ сабля взвилася могучей рукой —
Глава покатилась съ жены молодой.
Безмолвно онъ голову тихо беретъ
И, молча, къ народу на площадь несетъ.
Свое преступленье онъ всѣмъ объявилъ
И требовалъ казни — и казнь получилъ.

Я ЦЫГАНЪ УДАЛЕЦЪ МОЛОДЕЦЪ.

Я цыганъ, удалецъ-молодецъ,
Ни крестьянинъ и ни баринъ, и ни баринъ, ни купецъ!
Эхма! Поди прочь! Поди прочь! Берегись!
Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку да пониже поклонись!

У меня есть за пазухой мѣшокъ не пустой,
А въ конюшнѣ вихорь-конь, вихорь-конь вороной!
Эхма! Поди прочь! Поди прочь!.. и проч.

У меня въ свѣтлицѣ есть красавица-жена,
А на печкѣ дома теща, дома теща-сатана!
Эхма! Поди прочь! Поди прочь!.. и проч.

Какъ на денежки на волѣ хорошо повеселюсь,
На конѣ я въ степь далеко, въ степь далеко унесусь!
Эхма! Поди прочь! Поди прочь!.. и проч.

Я красавицу-женку поцѣлую, обойму,
А тещу-сатану я въ дубраву прогоню.
Эхма! Поди прочь! Поди прочь!.. и проч.

ВЪ ДОЛИНѢ ДАГЕСТАНА.

Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя.
Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня, но спалъ я мертвымъ сномъ.
И снилось мнѣ: сіяющій огнями

Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ.
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ;
Но въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчива одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая,
Богъ знаетъ чѣмъ, была погружена.
И снилась ей долина Дагестана,
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей.

УМИРАЮЩІЙ ВОИНЪ.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сойдетъ туманъ съ синя моря,
И не выйдетъ грусть зла изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ огонекъ горитъ.
У огня постланъ коверъ шелковый,
На коврѣ лежитъ добрый молодецъ;
Онъ прижалъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ кровь молодецкую.
Подлѣ молодца стоитъ добрый конь,
Онъ копытомъ бьетъ по сырой землѣ,
Будто молвитъ хочетъ молодцу:
„Ты вставай, вставай, добрый молодецъ,
Ты сѣдлай, сѣдлай коня-добраго,
Послужу тебѣ вѣрой-правдою:
Отвезу тебя въ нашу сторону,
Къ отцу, къ матери, къ роду-племени,

Къ милымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ".
Тяжело вздохнулъ добрый молодецъ,
Его крѣпка грудь подымается,
Руки бѣлыя опускаются,
Рана смертная растворяется, —
Кровь горячая полилась ручьемъ.
Тутъ промолвилъ онъ своему коню:
„Охъ, ты, конь мой, конь, лошадь добрая,
Ты товарищъ моей участи,
Добрый пайщикъ ты службы княжеской!
Ты одинъ ступай въ нашу сторону,
Ты отдай поклонъ отцу, матери,
Милымъ дѣвушкамъ, роду-племени;
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла!

ВѢТЕРЪ.

Что ты плачешь, вѣтеръ, стонешь, замирая?
куда несешься? Изъ какого края?
Безъ пути, пріюта, страждущій, бездомный?
Мечешься, какъ голубь, надъ равниной темной?

Отвѣчаетъ вѣтеръ, глухо завывая:
Много слезъ я видѣлъ, надъ землей летая.
Въ дальней деревушкѣ, бѣдной, неприглядной
Слышалъ плачъ крестьянскій, ропотъ безотрадный.

Въ городахъ цвѣтущихъ слышалъ стонъ голодныхъ,
Лязгъ станковъ рабочихъ, свистъ ремней приводныхъ,

Проститутокъ нищихъ горестныя лица;
И отъ смрадныхъ фабрикъ мчался я, какъ птица.

На пути я встрѣтилъ честную дружину,
Море братской крови залило равнину,
Трупы освѣщало солнце съ небосклона,
И, какъ вѣстникъ смерти, я влачилъ знамена.

Долго, долго мчался. Вдругъ въ странѣ пустынной
Вижу мрачный замокъ, каменный, старинный.
Часовые ходятъ, сторожатъ могилы...
Дальше не леталъ я... Не хватило силы.

„ВОЛЬНЫЙ РАБОЧІЙ".

Улицей узкой, шумной и бѣдной
Шелъ, опустивъ воспаленныя очи,
Въ грязныхъ лохмотьяхъ, дрожащій и блѣдный,
„Вольный рабочій"...

Вольный! Онъ можетъ, гдѣ хочетъ, скитаться,
Можетъ бродить онъ по улицамъ шумнымъ,
Можетъ онъ плакать и можетъ смѣяться
Смѣхомъ безумнымъ.

Можетъ стучаться онъ въ каждыя двери:
Голода муки никто не замѣтитъ, —
Сытые люди бездушны, какъ звѣри,
Смѣхъ лишь онъ встрѣтитъ.

Съ горькимъ проклятьемъ и жгучимъ укоромъ
Можетъ замерзнуть онъ ночью холодной,
Иль умереть гдѣ-нибудь подъ заборомъ
Смертью голодной.

Что же онъ сталъ? Иль себя онъ боится?
Дико глядятъ воспаленныя очи...
Что ему нужно? Вѣдь воленъ, какъ птица,
„Вольный рабочій“...

МЫ ЖИВЕМЪ СРЕДИ ПОЛЕЙ.

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ.
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
А цыгане-молодцы
Ни о чемъ не тужатъ.
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣй! (2 раза).
Мы на горе не глядимъ, —
Все съ весельемъ сносимъ;
Хоть по суткамъ не ѣдимъ,
Но не жнемъ, не косимъ;
Вмѣстѣ съ солнцемъ не встаемъ
Для дневной работы,
Лишь проснемся — и поемъ, —
Нѣтъ у насъ заботы.
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣй! (2 раза).
У цыганокъ круглый годъ
Праздникъ — новоселье;
Имъ покровъ — небесный сводъ,
А земля — постеля.
Зимній холодъ — не бѣда:

Вкругъ огня запѣли, —
И не страшны намъ тогда
Вьюги и метели.
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣй! (2 раза).

ЛИЗА.

Лиза въ пяльцахъ что-то шила,
Я же думалъ: „Какъ мила!“
Вдругъ иголку уронила
И, искавши, не нашла.
„Знать, иголочка пропала“.
— „Нѣтъ, — вздохнувши, я сказалъ, —
Вотъ она куда попала!“ —
И на сердце указалъ.
Лиза со смѣхомъ мнѣ сказала:
„Не годится иглы красть!
Вѣдь она къ ногамъ упала,
Какъ же въ сердце ей попасть?“
— „Что на свѣтѣ не бывало?
Безъ напасти кто жить могъ?
Сердце, вѣдь, мое лежало
У твоихъ, Лизета, ногъ!“

ПРИДИ КО МНѢ.

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво,
Когда и лугъ и степь, — весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливый.

Приди ко мнѣ, когда луна
Изъ облакъ въ облака ныряетъ,
Иль съ неба чистаго она
Такъ пышно воды озлащаетъ.

Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпѣливо дожидаюсь.

Приди ко мнѣ, когда любовь
Восторги пылкіе рождаетъ,
Когда моя младая кровь
Кипитъ, волнуется, играетъ.

Приди ко мнѣ, — вдвойнѣ съ тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу къ твоей груди младой
Со всею страстію прижаться.

НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА...

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.
    Увы, напоминаютъ мнѣ
    Твои жестокіе напѣвы:
    И степь, и ночь, и при лунѣ
    Черты далекой бѣдной дѣвы!
Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминають мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

ВѢТКА БѢДНАЯ.

„Что ты, вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь?
Берегись сердитаго
Моря — пропадешь!
Ужъ тебѣ не справиться
Съ бурною волной,
Какъ сироткѣ бѣдному
Съ хитростью людской.
Одолѣетъ лютая,
Какъ ты не трудись;
Далеко умчитъ тебя...
Вѣтка, берегись!“
— „Для чего беречься мнѣ? —
Вѣткинъ былъ отвѣтъ. —
Я уже изсохшая,
Во мнѣ жизни нѣтъ;
Отъ родного деревца
Вѣтеръ оторвалъ...
Пусть теперь несетъ меня,
Куда хочетъ, валъ.
Я и не противлюся,
Мнѣ чего желать?
Ужъ съ роднымъ мнѣ деревцомъ
Не срастись опять!“

ЕЩЕ ОДНА МОЯ МЕЧТА.

Какъ свѣтлый сонъ ты хороша,
Чиста, какъ лучъ, твоя душа,
Ты фея сказки!
Глаза твои полны мечтой,
Въ нихъ столько нѣжности святой,
Тепла и ласки.

О, какъ тебя я обожалъ
И о тебѣ всегда мечталъ
Я безконечно...
Все вѣрилъ, что любить меня
Голубка милая моя
Ты будешь вѣчно...

Святой восторгъ я узнавалъ
Когда тебя я такъ ласкалъ
Въ часы свиданья
Я былъ готовъ тебя ласкать
И жгуче-страстно цѣловать
Безъ окончанья...

Теперь одна мечта моя
Поцѣловать въ уста тебя
Съ любовью страстной,
Я всю бы жизнь счастливъ былъ
И поцѣлуемъ тѣмъ-бы жилъ
Какъ сномъ прекраснымъ!..

Я БЫЛЪ У НЕЙ...

Я былъ у ней, она сказала:
„Люблю тебя, мой милый другъ",
Но эту тайну отъ подругъ
Хранить мнѣ строго завѣщала.

Я былъ у ней, на прелесть злата
Клялась меня не промѣнять,
Ко мнѣ лишь страстію пылать,
Меня любить, любить, какъ брата.

Я былъ у ней, я съ устъ небесной
Счастливое забвенье пилъ
И все земное позабылъ
У дѣвичьей груди прелестной.

Я былъ у ней, я вѣчно буду
Съ ея душой душою жить;
Пускай она мнѣ измѣнитъ,
Но я — измѣнникомъ не буду.

ДАВАЙТЕ БОКАЛЫ.

Давайте бокалы!
Давайте вина!
Радость — мгновенье,
Пейте до дна!
Громкія пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Нынѣ пируемъ, —

Юность на часъ!
Нынче веселье,
Радость у насъ.
Завтра что будетъ, —
Знаю ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Шумно, разгульно,
Пейте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!
Ну-те жъ, всѣ разомъ
Выпьемъ до дна
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

ЗАЧѢМЪ ТЫ ТАКЪ СМОТРИШЬ.

Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ смотришь,
Такими большими глазами?
Скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ плачешь
И грудь надрываешь слезами?

Ты можешь рыдать, сколько хочешь,
И слезъ, вѣдь, надолго достанетъ;
Любовь — преходящее чувство:
Потѣшитъ, помутитъ, обманетъ.

Зачѣмъ утѣшаться мечтою?
Не лучше ль разсудку повѣрить
И то, что такъ бѣдно и мало,
Огромною мѣрой не мѣрить?

Теперь мы другъ друга такъ любимъ
И счастливы очень — такъ что же?
Мнѣ каждый твой взглядъ, каждый волосъ —
Всѣхъ благъ и сокровищъ дороже.

Дороже! но, можетъ быть, завтра
На новую грудь припаду я
И въ томъ же и такъ же покаюсь
Подъ праздничный звукъ поцѣлуя.

КОНЧЕНЪ, КОНЧЕНЪ ДАЛЬНІЙ ПУТЬ.

„Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый!
Сладко будетъ отдохнуть
Мнѣ съ подружкой милой.
Долго въ грусти ждетъ она
Казака младого...
Вотъ забрезжила луна
Съ неба голубого,
И веселый Донъ течетъ
Тихою струею;
Въ нетерпѣньи конь мой ржетъ
Чуетъ предъ собою
Онъ траву родныхъ бреговъ,
Гдѣ въ счастливой долѣ,
Средь знакомыхъ табуновъ,
Онъ гулялъ по волѣ.
Вѣрный конь, скачи скорѣй
И, какъ вихрь, ты мчися.
Лишь передъ хатою моей
Ты остановися!“

Такъ казакъ спѣшилъ домой,
Понукалъ гнѣдого:
Борзый конь летитъ стрѣлой
До дому родного...
Вотъ приблизился Донецъ
Къ своему селенью...
„Стой, товарищъ, стой! Конецъ
Нашему стремленью!“
Видитъ онъ невѣстинъ домъ,
Входитъ онъ въ свѣтлицу
И объяту сладкимъ сномъ
Будитъ онъ дѣвицу:
„Встань, коханочка моя,
Встань-ка, улыбнися,
Поцѣлуй скорѣй меня
И къ груди прижмися!
На поляхъ страны чужой
Я дышалъ тобою, —
Видно, для тебя одной
Сохраненъ судьбою;.
Что же милая его?
Пробудилась, встала
И, взглянувши на него,
Въ страхѣ задрожала.
— Наяву или во снѣ
Зрю тебя, мой милый?
Ахъ, не даромъ же во мнѣ
Сердце пріуныло.
Долго я ждала тебя
И страдала въ скукѣ,
Сколько слезъ я пролила
Въ горестной разлукѣ,
И, отчаясь зрѣть тебя,

Быть твоей женою,
Отдалась другому я
Съ клятвой роковою...“
— „Ну, такъ Богъ съ тобой!“ сказалъ
Молодецъ удалый
И къ воротамъ, гдѣ стоялъ
Конь его усталый.
„Ну, сопутникъ вѣрный мой, —
Онъ сказалъ уныло, —
Нѣтъ травы тебѣ родной,
Нѣтъ мнѣ въ свѣтѣ милой“.
Словомъ, сѣлъ онъ на гнѣдка,
Шевельнулъ уздою,
Далъ онъ шпоры подъ бока,
Борзый конь стрѣлою
Полетѣлъ въ обратный путь
Отъ села родного;
Но тоска терзала грудь
Казака младого.
Онъ, послѣдній разъ взглянувъ
На страну родиму
И невольно вздохнувъ,
Скрылся въ даль незриму.
Что и родина, коль нѣтъ
Ни друзей, ни милой?
Ахъ, тогда намъ цѣлый свѣтъ
Кажется могилой!

БРИЛЛІАНТОВЫЯ ОЧИ!

Брилліантовыя очи!
Что вы все сверкаете
И во мракѣ тихой ночи
Блеска не скрываете?
Я не разъ
Изъ-за васъ
Мучилась томилася!
Я не разъ
Изъ-за васъ
Господу молилася!

Ахъ! зачѣмъ вы, очи рая,
Миръ души тревожите?
Сердцемъ вы моимъ играя,
Боли сердца множите!
Жарко мнѣ,
Я въ огнѣ!
Очи, очи страстныя!
Вы одни
Въ тишинѣ
Предо мной, прекрасныя!

Погасите блескъ опасный,
Сильныя, могучія!
Скройте взглядъ свой самовластный,
Чудныя и жгучія!
Не любить,
А сгубить
Вы меня сбираетесь!
Изсушить,
Сокрушить
Жизнь мою стараетесь!

Очи, очи, не шалите,—
Иль бѣды дождетесь!
Съ пылкимъ сердцемъ не шутите, —
Сами обожжетесь!..

ВОЛГА, РѢЧЕНКА ГЛУБОКА.

Волга, рѣченка глубока,
Прихожу къ тебѣ съ тоской:
Мой сердечный другъ далеко
Ты бѣги къ нему волной.
Ты бѣги, быстрѣй стремися,
Къ другу рѣчь, волна, неси;
Какъ стрѣла къ нему пустися
И словечко отнеси.
Ты скажи, какъ я страдаю,
Какъ я мучаюсь по немъ:
Говорю — сама рыдаю,
Слезы катятся ручьемъ.
Вспомни, милый, какъ прощался!..
Я туда вдругъ побѣгу,
Гдѣ со мною разставался,
Плача, тамъ на берегу.
Шумитъ вѣтеръ, Волга стонетъ,
А я рвуся злой тоской.
Сердце ноетъ, ноетъ, ноетъ
И твердитъ: „Гдѣ милый мой?
Гдѣ мой другъ, моя отрада,
Гдѣ дѣвался дорогой?“
Жизни я тогда не рада,
Вся въ слезахъ иду домой.

Но къ несносному мученью
Должна страсть свою скрывать:
Здѣсь предаться слезъ стремленью,
Дома видъ иной казать.
    Какъ ни тошно, какъ ни больно,
    Чтобъ не знали страсть мою,
    Покажу лицо покойно,
    Зато ночь проплачу всю.
Ты лети ко мнѣ, любезный,
Ты почувствуй скорбь мою,
Токъ очей утри мой слезный,
Утѣшь милую свою.
    Только я уста сомкнула,
    Стонъ пустился вслѣдъ за мной, —
    Мнится, рѣченка вздохнула,
    Понесла слова волной.

СПАСИБО СИНЕМУ КУВШИНУ.

Ахъ, спасибо же тебѣ,
Синему кувшину:
Разгулялъ, вѣдь, ты мою
Горькую кручину!
    Знаться мнѣ бъ давно съ кувшиномъ, —
    Горе по вѣтру неслось,
    Ретивого бъ не сушило,
    Въ русы кудри не ввилось.
Не ходить бы, не бродить
По бѣлому свѣту,
Не искать бы, не слѣдить
Ласкова привѣту.

Сидя около кувшина,
Я не вѣдалъ бы, не зналъ,
Что кругомъ я — сиротинка,
Будто съ облака упалъ!
Не сушить бы мнѣ очей
Горючей слезою,
Не дѣлить бы мнѣ ночей
Съ горемъ да съ тоскою.
И не горечь изъ кувшина —
Я бы сладкое тянулъ,
Что я бѣденъ, сиротина,
Мнѣ никто бы не шепнулъ.
Отъ сего же я часа
Ужъ не сдамся ласкамъ
Не повѣрю я, краса,
И твоимъ ужъ глазкамъ!
Лишь у синяго кувшина
Буду радости просить,
Съ нимъ обнявшись, сиротина,
Буду ждать, какъ смерть скоситъ.
Ахъ, спасибо же тебѣ,
Синему кувшину!
Разгулялъ, вѣдь, ты мою
Горькую кручину.

КАТЕНЬКА.

По всей деревнѣ Катенька
Красавицей слыла;
И въ самомъ дѣлѣ дѣвушка
Какъ розанчикъ цвѣла.

Прекрасны русы волосы
По плечикамъ вились,
А глазки, — только взглянь на нихъ,
Съ сердечкомъ распростись!

И всѣ удалы молодцы
За Катенькой гнались,
Частенько изъ-за Катеньки
Съ женами дрались.

Пятнадцать лѣтъ ужъ Катенька
На свѣтѣ прожила
И все съ родимой матушкой
И ѣла и пила.

Пойдутъ ли красны дѣвушки
Въ воскресный день гулять,
Катюшѣ отъ Сысоевны
Никакъ нельзя отстать.

Какъ горькій хрѣнъ Сысоевна,
Была всѣмъ молодцамъ:
Частенько ихъ за Катеньку
Хлестала по щекамъ.

Всѣхъ чаще отъ Сысоевны
Терешка бить бывалъ:
Всѣхъ чаще онъ на праздникахъ
Къ Катюшѣ подбѣгалъ.

Терешка хватъ былъ молодецъ
И парень хоть куда;
Любилъ Катюшу страстно онъ, —
Вотъ вся его бѣда!

Однажды, когда Катенька
Шла къ рѣчкѣ за водой,

Терешка изъ-за кустика
Кричитъ: „Катя, постой!“

Катюша испугалася,
Взглянула на кустокъ, —
И томное сердечушко
Забилось: токъ, токъ, токъ!

Впередъ.

Нестерпимо тяжка наша доля,
Намъ пришлося такъ много страдать!
Но, друзья, разрѣжаются тучи,
Стало какъ-то свободнѣй дышать.
Мы крѣпки и могучи, какъ дубы,
Много силъ въ мускулистыхъ рукахъ.
Мы хотимъ также право на счастье;
Не хотимъ мы жить дольше въ цѣпяхъ.

Впередъ, о людъ рабочій,
Изъ душныхъ мастерскихъ, —
Впередъ изъ вѣчной ночи
Подземныхъ стѣнъ сырыхъ!
Нашъ долгъ сплочаетъ насъ,
И съ гимномъ въ честь свободы
Впередъ, рабочій!

Коль хотимъ мы, чтобъ истиной стала
Наша греза о счастьи, друзья,
Коль хотимъ, чтобъ скорѣй засіяла
Въ небѣ правды, свободы заря,
Коль хотимъ, чтобъ нужда и несчастье
Не давили повсюду людей, —

То протянемъ другъ другу, о, братья,
Пролетаріи, руки скорѣй!

Впередъ, о людъ рабочій,
Изъ душныхъ мастерскихъ, —
Впередъ изъ вѣчной ночи
Подземныхъ стѣнъ сырыхъ!
Нашъ долгъ сплочаетъ насъ,
И съ гимномъ въ честь свободы
Впередъ, рабочій!

ГРУНЮШКА.

Ахъ, Грунюшка! Ахъ, Грунюшка,
Ахъ, Грунюшка, Ѳомина, Ѳомина,
По бережку, по бережку,
По бережку ходила, ходила.

Ахъ, свѣтъ моя, ахъ, свѣтъ моя,
Ахъ, свѣтъ моя, зарѣцкая сторона,
Нѣмецкая, нѣмецкая,
Нѣмецкая улица, улица.

Въ той улицѣ, въ той улицѣ,
Въ той улицѣ живутъ молодые кузнецы;
Они куютъ, они куютъ,
Куютъ, куютъ, приговариваютъ:

„Пойдемъ, Груня, пойдемъ, Груня,
Пойдемъ, Груня, въ огородъ, въ огородъ,
Сорвемъ, Груня, сорвемъ, Груня,
Сорвемъ, Груня, лопушокъ, лопушокъ,

Сошьемъ Грунѣ, сошьемъ Грунѣ,
Сошьемъ Грунѣ сарафанъ, сарафанъ.
По-барскому разстегай, разстегай,
По-барскому, по-барскому разстегай.

Носи, Груня, носи, Груня,
Носи, Груня, не марай, не марай.
По праздничкамъ, по праздничкамъ,
По праздничкамъ надѣвай, надѣвай.

За лавочку, за лавочку,
За лавочку не кидай, не кидай.
За лавочкой, за лавочкой,
За лавочкой тараканъ, тараканъ.

Изгрызъ Грунѣ, изгрызъ Грунѣ,
Изгрызъ Грунѣ сарафанъ, сарафанъ;
Всѣ петельки, всѣ петельки,
Всѣ петельки изжевалъ, изжевалъ.
А пуговки, а пуговки,
А пуговки поглоталъ, поглоталъ.

ВДОЛЬ ПО УЛИЦѢ.

Ай, вдоль по улицѣ добрый молодецъ идетъ,
Ай, да вдоль по широконькой удаленькій.
    Ой, жги, жги, говори!
    По широконькой удаленькій.
Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ,
Опоясочка шелковенькая.
    Ой, жги, жги, говори!
    Опоясочка шелковенькая.
Рукавички-то барановыя,
А сапожки-то сафьяновые.

Ой, жги, жги, говори!
А сапожки-то сафьяновые.
На немъ шапочка-то бархатная,
А околышъ черна соболя.
Ой, жги, жги, говори!
А околышъ черна соболя.
Подъ полою несетъ дудочку,
Подъ другою несетъ гусельцы.
Ой, жги, жги, говори!
Подъ другою несетъ гусельцы.
Какъ запѣла, загудѣла-то струна,
А дудочка выговаривала...
Ой, жги, жги, говори!
А дудочка выговаривала.
Пора молодцу-то жену себѣ взять,
Холостому-то жениться пора.
Ой, жги, жги, говори!
Холостому-то жениться пора.
Стару бабу за себя бы ему взять
Да ее на печи ему держать.
Ой, жги, жги, говори!
Старуху на печи держать.
Стару бабу киселемъ бы кормить
Да сытой ее напаивати.
Ой, жги, жги, говори!
Сытой старуху напаивати.
Кабы тебѣ киселя, киселя,
Стала бъ баба весела, весела.
Ой, жги, жги, говори!
Стала бъ баба весела, весела.
Кабы бабѣ молока, молока,
Стала бъ баба молода, молода.

Ой, жги, жги, говори!
Стала бъ баба молода, молода.
Кабы бабѣ сапоги, сапоги,
Заплясала бы она въ три ноги.
Ой, жги, жги, говори!
Заплясала бы она въ три ноги.
Затянула бъ баба пѣсенку
Тонкимъ, звонкимъ ея голоскомъ.
Ой, жги, жги, говори!
Тонкимъ, звонкимъ своимъ голосомъ.
Ты, любимая ли пѣсня моя,
Я любила очень въ дѣвицахъ тебя.
Ой, жги, жги, говори!
Я любила очень въ дѣвицахъ тебя.
Я любила тебя замужемъ,
На очахъ мово милого живучи.
Ой, жги, жги, говори!
На очахъ мово милого живучи.

ОЙ, КАБЫ ВОЛГА-МАТУШКА ДА ВСПЯТЬ ПОБѢЖАЛА.

Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно было, братцы, начать жить сначала
Ой, кабы зимой цвѣты расцвѣтали!
Кабы мы любили да не разлюбляли!
Кабы намъ дно морское достать да измѣрить!
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Да кабы приказныхъ по боку да къ чорту!

Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, браты, да свои кафтаны,
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ,
Да батюшка-бъ нашъ всю нашу правду вѣдалъ.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ, мой прекрасный,
Баюшки баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.

Стану сказывать я сказки
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;

Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки баю.

Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.

Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя, мое родное,
Баюшки баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду, —
Ты махнешь рукой...

Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой,
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.

Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою.
Спи, младенецъ, мой прекрасный,
Баюшки баю.

ПЬЯНАЯ УЛИЦА.

Разъ отъ цыганокъ идя къ себѣ,
Улица пьяною кажется мнѣ.
    Лѣвая, правая гдѣ сторона?
    Улица, улица, ты, братъ, пьяна!

И фонари то неясно горятъ,
Смирно на мѣстѣ никакъ не стоятъ.
    Лѣвая, правая гдѣ сторона?
    Улица, улица, ты, братъ, пьяна!

Ты что за рожи тамъ мѣсяцъ кривишь,
Глаза прищурилъ, такъ странно глядишь.
    Лѣвая, правая гдѣ сторона?
    Улица, улица, ты, братъ, пьяна!

Съ вами-ль тягаться, собой рисковать,
Лучше къ цыганкамъ обратно опять.
    Лѣвая, правая гдѣ сторона?
    Улица, улица, ты, братъ, пьяна!

СЛАВНОЕ МОРЕ, СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛЪ.

Славное море, священный Байкалъ,
Славный корабль омулевая бочка.
Гей, Баргузинъ, пошевеливай валъ,
Плыть молодцу недалечко.

Долго я тяжкія цѣпи влачилъ,
Долго страдалъ я въ стѣнахъ Акатуя,
Добрый товарищъ бѣжать пособилъ,
Ожилъ я, волю почуя.

Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала.

Долго бродилъ я средь ночи и дня
Вдали отъ людей, озираяся зорко,
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Славное море, священный Байкалъ,
Славный и парусъ, зипунъ дыроватый,
Гей, рулевой, пошевеливай валъ,
Слышатся грома раскаты.

ПУСТИ МЕНЯ.

Ахъ, милый мой, пусти меня,
Гляди въ окно, встаетъ заря,
Гляди въ окно, встаетъ заря,
А тамъ проснется мать моя.

А тамъ проснется мать моя,
И станетъ спрашивать меня:
"Гдѣ ты была, милая дочь,
Гдѣ пропадала ты всю ночь?

— "Въ саду была, цвѣты рвала,
Подарокъ мамѣ принесла,
Въ саду была, цвѣты рвала,
Цвѣточковъ мамѣ принесла".

"Зачѣмъ растрепанъ твой нарядъ,
А щеки пламенемъ горятъ,
Зачѣмъ раскидана коса,
А на ногахъ блеститъ роса?"

“Ахъ, мать моя, ты старая,
А я, дѣвица, молода.
Тебѣ надоѣлъ ужъ божій свѣтъ,
А мнѣ всего семнадцать лѣтъ”.

ВЫЙДУ Я НА РѢЧЕНКУ.

Выйду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю,
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька, съ собой.

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей, —
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дать ты ей!

За струей струя катится
По склоненью своему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изныватъ,
Страсть мучительну тая;
Чѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что душа моя.

Кѣмъ же злую грусть разсѣю ,
Сердце успокою чѣмъ?
Не хочу я, не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ:

Милый мой имъ обладаетъ,
Взглядъ его — мой весь законъ,
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ въ тоскѣ былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пробуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть,
Ахъ, коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему;
Сердца каждое біеніе
Песвящая я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу,
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мыслю, кѣмъ дышу!

Не почувствуешь ты досады,
Какъ дойдетъ мой стонъ къ тебѣ,
Я за старость не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если жъ то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь, —
Словомъ ласковымъ, хоть ложнымъ,
Адъ души моей измѣрь.

ПѢСНЯ БОБЫЛЯ.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ весь пожитокъ...
Эхъ, живи — не тужи,
Умрешь — не убытокъ!

Богачу-дураку
И съ казной не спится,
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ, веселится.

Онъ идетъ и поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ;
Сторонись, богачи,
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны...
Эхъ, присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!

Ужъ ты плачь ли, не плачь,
Никто не увидитъ;
Оробѣй, загорюй, —
Курица обидитъ.

Ужъ ты сытъ ли, не сытъ,
Въ печаль не вдавайся:
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ да умремъ,
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ —
Пѣсенка допѣта.

КОГДА Я РОСЪ СВОБОДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Когда я росъ свободный мальчикъ
Не зналъ ни горя ни нужды;
Родные всѣ меня любили,
Я росъ въ кругу родной семьи.

Они за что меня любили,
Что я потѣшный мальчикъ былъ,
Но баловство меня сгубило,
Я сбился съ праведнаго пути.

Въ одну несчастну я влюбился,
Любовь на пагубу души,
Она клялась, что вѣрно любитъ
Своей обманчивой душой.

А я, мальчишка, ей повѣрилъ,
Когда я весь ей отдался...
Черезъ несчастную дѣвчонку
Въ темницу жить мальчикъ попалъ.

НАКИНУВЪ ПЛАЩЪ.

Накинувъ плащъ, съ гитарой подъ полою,
Къ ея окну приникъ въ тиши ночной.
Не разбужу-ль я пѣсней удалой
Роскошный сонъ красавицы младой.

Я здѣсь пою такъ тихо, такъ смиренно,
Лишь для того, чтобъ услыхала ты,
И пѣснь моя есть ѳиміамъ священный
Предъ алтаремъ богини красоты.

И ты услышишь серенаду,
И изъ нея ты что-нибудь поймешь,
И мнѣ тогда, поющему, въ награду
"Люблю, люблю!" сквозь сонъ произнесешь.

Но не страшись меня, младая дѣва:
Не разбужу твоихъ роскошныхъ сновъ
Ни вольностью разгульнаго напѣва,
Ни повѣстью страдальческихъ грѣховъ.

ТРОЙКА ПОЧТОВАЯ.

Вотъ мчится тройка почтовая
По Волгѣ-матушкѣ зимой,
Ямщикъ, уныло напѣвая,
Качаетъ буйной головой.

“О чемъ задумался, дѣтина?”
Сѣдокъ привѣтливо спросилъ, —
“Какая на сердцѣ кручина?
Или тебя кто огорчилъ?”

— “О, милый баринъ, добрый баринъ!
Вотъ скоро годъ, какъ я люблю,
А нехристь староста, татаринъ,
Меня журитъ, а я терплю.

„О, милый баринъ, скоро святки,
А ей не быть уже моей.
Богатый выбралъ, да постылый,
Ей не видать отрадныхъ дней.

Теперь мнѣ нѣтъ уже отрады
И даже бѣлый свѣтъ не милъ,
И я съ такой большой досады
Лошадокъ рѣзвыхъ не взлюбилъ.

Когда послѣдній часъ прощался,
Я залился слезами вдругъ.
Когда она къ вѣнцу поѣдетъ,
Меня въ могилу отнесутъ;.

Ямщикъ умолкъ, и кнутъ ременный
Съ голицей за поясъ заткнулъ,
“Родные! Стой, неугомонный!”
Сказалъ, самъ горестно вздохнулъ.

“По мнѣ лошадушки взгрустнутся,
Разставшись съ бѣднымъ ямщикомъ,
Со мной имъ больше не промчаться
По Волгѣ-матушкѣ зимой”.

ТРАНСВААЛЬ.

Трансвааль, Трансвааль, звѣзда моя,
Ты вся горишь во мнѣ.
Подъ деревцомъ развѣсистымъ,
Задумчивъ буръ сидѣлъ.

О чемъ задумался дѣтина,
О чемъ горюешь, сѣдина?
— Горюю я по родинѣ,
И жаль мнѣ край родной.

Сыновъ всѣхъ десять у меня
Троихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ.
А за свободу борятся
Шесть юныхъ остальныхъ.

Мой старшій сынъ — старикъ сѣдой
Убитъ ужъ на войнѣ;
Онъ безъ молитвы, безъ креста,
Зарытъ въ чужой землѣ.

Младой сынъ, двѣнадцати лѣтъ,
Просился на войну,
Но я сказалъ, что нѣтъ, и нѣтъ,
Малютку не возьму.

Я выслушалъ просьбу малютки,
Обнялъ, поцѣловалъ,
И въ тотъ же день онъ со мной
Пошелъ на вражій станъ.

Однажды, при сраженіи,
Отбитъ былъ нашъ обозъ,
Малютка на позицію
Ползкомъ патроны несъ.

Насталъ, насталъ тяжелый часъ
Для родины моей,
Молитеся вы женщины
За вашихъ сыновей.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Буръ старый говоритъ,
За кривду Богъ накажетъ насъ
За правду наградитъ...

Революціонныя пѣсни

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

(Польская рабочая пѣснь „Червонный Штандардъ“).

Слезами залитъ міръ безбрежный,
Вся наша жизнь тяжелый трудъ.
Но день настанетъ неизбѣжный
Неумолимо грозный судъ!

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! Мчись кругомъ!
Надъ міромъ наше знамя вѣетъ
И несетъ кличъ борьбы, мести громъ,
Сѣмя грядущаго сѣетъ.
Оно горитъ и ярко рдѣетъ,
То наша кровь горитъ на немъ,
То кровь работниковъ на немъ!

Пусть слуги тьмы хотятъ насильно
Связать разорванную сѣть,
Слѣпое зло падетъ безсильно,
Добро не можетъ умереть!

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Бездушный гнетъ, тупой, холодный,
Готовъ погибнуть, наконецъ,
Намъ будетъ счастьемъ трудъ свободный
И братство дастъ ему вѣнецъ.

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Скорѣй, друзья! Идемъ всѣ вмѣстѣ,
Рука съ рукой и мысль одна!

Кто скажетъ бурѣ: стой на мѣстѣ?
Чья власть на свѣтѣ такъ сильна?

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Долой тирановъ! Прочь оковы,
Не нужно старыхъ, рабскихъ путъ!
Мы путь землѣ укажемъ новый,
Владыкой міра будетъ трудъ!

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

СМѢЛО, ДРУЗЬЯ.

Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!

Если жъ погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ,
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ! (2 раза).

Пусть насъ по тюрьмамъ сажаютъ,
Пусть насъ пытаютъ огнемъ,
Пусть въ рудник насъ ссылаютъ,
Пусть мы всѣ казни пройдемъ!

Если-жъ погибнуть придется и т. д.

Стонетъ и тяжко вздыхаетъ
Бѣдный нашъ русскій народъ,
Руки онъ къ намъ простираетъ,
Насъ онъ на помощь зоветъ!

Если-жъ погибнуть придется и т. д.

Часъ обновленья настанетъ,
Воли добьется народъ
Добрымъ насъ словомъ помянетъ,
Къ намъ на могилу придетъ.

Если-жъ погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ, —
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ! (2 раза).

СМѢЛО, ТОВАРИЩИ...

Смѣло, товарищи, въ ногу
Духомъ окрѣпнемъ въ борьбѣ
Въ царство свободы дорогу
Грудью проложимъ себѣ (2 раза).

Вышли мы всѣ изъ народа,
Дѣти семьи трудовой.
„Братскій союзъ и свобода“,
Вотъ нашъ девизъ боевой (2 раза).

Долго въ цѣпяхъ насъ держали,
Долго насъ голодъ томилъ,
Черные дни миновали,
Часъ искупленья пробилъ (2 раза).

Время за дѣло приняться,
Въ бой поспѣшимъ мы скорѣй,
Нашей-ли рати бояться
Призрачной силы царей (2 раза).

Вѣдь все, чѣмъ держатся ихъ троны —
Дѣло то нашей руки,

Сами набьемъ мы патроны,
Къ ружьямъ привинтимъ штыки (2 раза).

Свергнемъ могучей рукою
Гнетъ роковой навсегда
И водрузимъ надъ землею
Красное знамя труда (2 раза).

БѢСНУЙТЕСЬ, ТИРАНЫ...

Бѣснуйтесь, тираны, глумитесь надъ нами,
Грозите свирѣпо тюрьмой, кандалами.
Мы — вольны душою, хоть тѣломъ попраны, —
Позоръ, позоръ, позоръ вамъ, тираны!

Пусть слабые духомъ трепещутъ предъ вами,
Торгуютъ безстыдно святыми правами;
Тѣлесной неволи не страшны намъ раны, —
Позоръ, позоръ, позоръ вамъ, тираны!

За тяжкимъ трудомъ, въ долѣ вѣчнаго рабства,
Народъ угнетенный копитъ вамъ богатства;
Но рабство и муки не сломятъ титана —
На страхъ, на стыдъ, на страхъ вамъ, тираны!

Въ рудникахъ подъ землею, за станкомъ и на полѣ,
Вездѣ раздаются ужъ пѣсни о волѣ,
И звуки тѣхъ пѣсенъ доходятъ и къ тронамъ,
На страхъ, на страхъ, на страхъ всѣмъ тиранамъ!

Сверкайте штыками, грозите войсками, —
Спасти васъ не могутъ казармы съ тюрьмами,
Вашъ собственный страхъ не сковать вамъ цѣпями!
И стыдъ, и страхъ, и месть вамъ, тираны!

ВАРШАВЯНКА.

Вихри враждебные воютъ надъ нами,
Темныя силы насъ злобно гнетут,
Въ бой роковой мы вступили съ врагами,
Насъ еще судьбы безвѣстныя ждутъ.
Но мы поднимемъ гордо и смѣло
Знамя борьбы за рабочее дѣло,
Знамя великой борьбы всѣхъ народовъ
За лучшiй мiръ, за святую свободу.
На бой кровавый,
Святой и правый,
Маршъ, маршъ впередъ,
Рабочiй народъ! (2 раза).

Мретъ въ наши дни съ голодухи рабочiй,
Станемъ-ли дольше мы, братья, молчать?
Нашихъ сподвижниковъ юныя очи
Можетъ-ли видъ эшафота пугать?
Въ битвѣ великой не сгинутъ безслѣдно
Павшiе съ честью во имя идей,
Ихъ имена съ нашей пѣсnью побѣдной
Станутъ священны миллiонамъ людей.

На бой кровавый и т. д. (2 раза).

Намъ ненавистны тирановъ короны,
Цѣпи народа-страдальца мы чтимъ.
Кровью народной залитые троны
Кровью мы нашихъ враговъ обагримъ.
Месть безпощадная всѣмъ супостатамъ,
Всѣмъ паразитамъ трудящихся массъ,
Мщенiе и смерть всѣмъ царямъ-плутократам.
Близокъ побѣды торжественный часъ.
На бой кровавый и т. д. (2 раза).

МАРСЕЛЬЕЗА.

Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!
Намъ враждебны златые кумиры,
Ненавистенъ намъ царскій чертогъ.
Мы пойдемъ въ ряды страждущихъ братій,
Мы къ голодному люду пойдемъ;
Съ нимъ пошлемъ мы злодѣямъ проклятья,
На борьбу мы его позовемъ:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищаютъ тяжелый твой трудъ.
Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры;
Твой послѣдній кусокъ они рвутъ.
Голодай, чтобъ они пировали!
Голодай, чтобъ въ игрѣ биржевой
Они совѣсть и честь продавали,
Чтобъ ругались они надъ тобой!

Вставай, подымайся, рабочій народъ! и т. д.

Тебѣ отдыхъ — одна лишь могила!
Что ни день — недоимку готовь;
Царь-вампиръ изъ тебя тянетъ жилы;
Царь-вампиръ пьетъ народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же своихъ сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочій народъ! и т. д.

Не довольно-ли вѣчнаго горя?
Встанемъ, братья, повсюду заразъ!
Отъ Днѣпра и до Бѣлаго моря,
И Поволжье, и дальній Кавказъ!
На воровъ, на собакъ — на богатыхъ!
И на злого вампира-царя.
Бей, губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ!
Загорись, лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочій народъ! и т. д.

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ.

Вставай, проклятіемъ заклейменный
Весь міръ голодныхъ и рабовъ!
Кипитъ нашъ разумъ возмущенный
И въ смертный бой вести готовъ.

Весь міръ насилія мы разроемъ
До основанья, — а затѣмъ
Мы нашъ, мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ.

Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой!
Съ интернаціоналомъ
Воспрянетъ родъ людской! (2 раза)

Никто не дастъ намъ избавленья —
Ни Богъ, ни царь и не герой!
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Чтобъ свергнуть гнетъ рукой умѣлой
Отвоевать свое добро

Вздувайте горнъ и куйте смѣло
Пока желѣзо горячо.

Это будетъ послѣдній и т. д.

Лишь мы, работники всемірной
Великой арміи труда,
Владѣть землей имѣемъ право, —
Но паразиты — никогда!

И если громъ великій грянетъ
Надъ сворой псовъ и палачей, —
Для насъ все такъ-же солнце станетъ
Сіять огнемъ своихъ лучей...

Это будетъ послѣдній и т. д.

СЛАВЬСЯ.

Славься, свобода и честный нашъ трудъ!
Пусть насъ ссылаютъ, мучатъ и бьютъ,
Пусть насъ пытаютъ и жгутъ насъ огнемъ, —
Пѣсню свободѣ мы и въ тюрьмахъ споемъ.

Славься же, славься, родимая Русь,
И передъ царемъ и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорѣе, родимая, встань!

ПОХОРОННЫЙ МАРШЪ.

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу,
Вы отдали все, что могли за него,
И жизнь, и честь, и свободу!

Порой изнывали по тюрьмамъ сырымъ;
Свой судъ безпощадный надъ вами
Враги-палачи изрекали порой,
И шли вы, гремя кандалами.

А деспотъ пируетъ въ роскошномъ дворцѣ,
Тревогу виномъ заливая,
Но грозныя буквы давно на стѣнѣ
Чертитъ ужъ рука роковая!

Настанетъ пора, и проснется народъ,
Великій, могучій, свободный!
Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Вашъ доблестный путь, благородный!

Служилъ ты не долго, — но честно
На благо родимой земли...
И мы, — твои братья по дѣлу, —
Тебя на кладбище снесли...

ЗАМУЧЕНЪ ТЯЖЕЛОЙ НЕВОЛЕЙ.

Замученъ тяжелой неволей,
Ты славною смертью почилъ...
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ...

Нашъ врагъ надъ тобой не глумился...
Кругомъ тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои...

Не горе намъ душу давило, —
Не слезы блистали въ очахъ,
Когда мы, прощаясь съ тобою,
Землей засыпали твой прахъ; —

Нѣтъ, злоба насъ только душила!
Мы къ битвѣ съ врагами рвались
И мстить за тебя безпощадно
Надъ прахомъ твоимъ поклялись...

Съ тобою одна намъ дорога:
Какъ ты, мы въ острогахъ сгніемъ.
Какъ ты, — для народнаго дѣла
Мы головы наши снесемъ;

Какъ ты, — мы, быть можетъ, послужимъ
Лишь почвой для новыхъ людей,
Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ,
Грядущихъ и доблестныхъ дней...

Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый,
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый
И будетъ онъ насъ посильнѣй.

ДОЛЯ.

Ужъ ты доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ужъ за что жъ ты меня, доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой,
Стороны своей лишился
За крестьянскій міръ честной.

Годъ въ ту пору былъ голодный.
Стали подати сбирать,
И послѣдніе пожитки,
Всю скотину продавать.

Я отъ міра съ челобитной
Къ самому царю пошелъ,
Но схватили на дорогѣ,
До царя я не дошелъ.

И по царскому велѣнью
За прошеніе мужиковъ,
Его милости плательщикъ
Сподобился кандаловъ.

Далеко село родное,
А хотѣлось бы узнать,
Удалося-ли односельчанамъ
Съ шеи подати скачать.

ТЯЖКО, БРАТЦЫ...

Тяжко, братцы, намъ живется
На Руси святой!
Каждый шагъ намъ достается
Роковой борьбой!

Все, что лживо и фальшиво,
Правитъ всей страной;
Все, что честно и правдиво,
Топчется ногой.

Мы страдали, гибли, пали
За народъ родной!
На эшафотахъ погибали
За идеалъ святой!

Всѣ народы ужъ свободы
Добились давно,
А у насъ однѣ невзгоды,
И темно, темно.

Ну-ка, братцы, поднимайтесь
За дѣла скорѣй,
Отъ оковъ освобождайтесь,
Отъ своихъ цѣпей!

ДУБИНУШКА.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Про радость и горе въ нихъ пѣли;
Изъ всѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ
Это пѣсня рабочей артели:

Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ!
Подернемъ! Подернемъ! Ухъ!

И отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ
Эта пѣсня идетъ по наслѣдству,
И лишь только какъ станетъ работать не вмочь,
Мы къ дубинушкѣ, какъ къ вѣрному средству.

Ой, дубинушка... и т. д.

Говорятъ, что мужикъ нашъ работать лѣнивъ,
Пока не взбороздятъ ему спину,
Ну, такъ какъ же забыть нашъ родимый мотивъ
И не пѣть про родную дубину?

Ой, дубинушка... и т. д.

Тянемъ съ лѣсомъ судно, иль желѣзо куемъ,
Иль въ Сибири руду добываемъ,
Съ мукой, съ болью въ груди одну пѣсню поемъ
Про дубину въ ней все вспоминаемъ.

Ой, дубинушка... и т. д.

И на Волгѣ рѣкѣ, утопая въ пескѣ,
Мы ломаемъ и ноги и спину,
Надрываемъ тамъ грудь и, чтобъ легче тянуть,
Мы поемъ про родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Пускай мучатъ и бьютъ, пускай въ цѣпи куютъ,
Пусть терзаютъ избитую спину,
Будемъ ждать и терпѣть и въ нуждѣ будемъ пѣть
Все про ту же родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Но вѣдь время придетъ, и проснется народъ:
Развернетъ онъ избитую спину
И въ родимыхъ лѣсахъ на враговъ подберетъ
Здоровѣе и крѣпче дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

МАШИНУШКА.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Не про радость, про горе тамъ пѣли;
Изъ всѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ,
Это пѣсня рабочей артели!
Эхъ, машинушка, ухнемъ!..
Эхъ, желѣзная сама пойдетъ!
Наладимъ, да смажемъ и пустимъ!

Англичанинъ мудрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать не въ мочь,
Такъ затянетъ родную дубину.

(Припѣвъ).

За годами года проходили чредой,
Измѣнилась родная картина;
И дубина съ сохой отошли на покой
Ихъ смѣнила царица машина...

(Припѣвъ).

Старый строй разрушилъ капиталъ властелинъ
Съ корнемъ вырвалъ дворянскіе роды,
Мужиковъ и ребятъ изъ родныхъ палестинъ
Гналъ на фабрики, верфи, заводы...

(Припѣвъ).

Гдѣ дворянская жизнь, что лилася рѣкой?
Ужъ не гнутся на барщинѣ спины,
Правитъ Русью купецъ золотою рукой,
Мужиковъ превратилъ онъ въ машины.
(Припѣвъ).

Знать англійскій урокъ не пропалъ — пошелъ въ прокъ,
Поумнѣлъ нашъ россійскій купчина.
Лишь рабочій порой вопрошаетъ съ тоской:
Что тяжеле: соха иль машина?
(Припѣвъ).

Безъ бояръ, безъ дворянъ оказался нашъ царь,
Кто поддержитъ тебя, сиротина?
Кто опорой тебѣ будетъ въ новой судьбѣ,
Кто замѣнитъ тебѣ дворянина?
(Припѣвъ).

Но нашъ царь не сплошалъ, онъ купца приласкалъ,
И купецъ ему нынѣ опора,
А россійскій мужикъ ужъ къ машинѣ привыкъ,
Его гложетъ купеческая свора.
(Припѣвъ).

Но страшись, грозный царь, мы не будемъ какъ, встарь,
Безотвѣтно сносить свое горе:
За волною волна, подымаясь отъ сна,
Людъ рабочій бушуетъ, какъ море.
(Припѣвъ).

Твой роскошный дворецъ онъ разрушитъ въ конецъ
И оставитъ лишь пепелъ отъ трона,
А порфиру твою онъ отниметъ въ бою,
И порѣжетъ ее на знамена.
(Припѣвъ).

Фабрикантовъ, купцовъ — твоихъ вѣрныхъ сыновъ
Точно пыль онъ развѣетъ по полю, —
И на мѣстѣ вражды, да суровой нужды,
Установитъ онъ братство и волю...
(Припѣвъ).

УТЕСЪ СТЕНКИ РАЗИНА.

Есть на Волгѣ утесъ; дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ, отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная...

На вершинѣ его не растетъ ничего, —
Только вѣтеръ свободный гуляетъ,
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
До вершины утеса добрался,
И утесъ не забылъ человѣка того —
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ...

Разъ ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался
И въ полуночной мглѣ на высокой скалѣ
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него...
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,

И, подъ говоръ волны, средь ночной тишины
Онъ великое дѣло задумалъ...

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой, да кровавой рукой
Не помогъ онъ народному горю...

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ, на конѣ и съ мечемъ,
Онъ сложилъ свои буйныя кости...

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Всѣ завѣтныя думы Степана,
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье Атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался.

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ,
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ, все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

СЛУШАЙ.

Какъ дѣло измѣны, какъ совѣсть тирана,
Осенняя ночка черна...
Чернѣй этой ночки встаетъ изъ тумана
Видѣніемъ мрачнымъ тюрьма.

Кругомъ часовые шагаютъ лѣниво;
Въ ночной тишинѣ, то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо:
— Слу—шай!..

Хоть плотны высокія стѣны ограды,
Желѣзные крѣпки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды
И всюду сверкаютъ штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище,
— Слу—шай!..

Вотъ узникъ вверху за рѣшеткой желѣзной
Стоитъ прислонившись къ окну,
И взоръ устремилъ онъ въ глубь ночи беззвѣздной
Весь словно впился въ тишину.
Ни звука!.. Порой лишь собака зальется,
Да крикнетъ сова невзначай,
Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается
— Слушай!..

„Не дни и не мѣсяцы — долгіе годы
Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать,
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы,
Нѣтъ, дольше не въ силахъ я ждать!..
Здѣсь штыкъ или пуля, тамъ воля святая, —
Эхъ, темная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!“
— Слушай!..

Чу!.. Шелестъ... Вотъ кто-то упалъ... приподнялся
И два раза щелкнулъ курокъ...

„Кто идетъ?“ — тѣнь мелькнула, и выстрѣлъ раздался,
И ожилъ мгновенно острогъ.
Огни замелькали, забѣгали люди...
„Прощай, жизнь, свобода, прощай!“ —
Прорвалося стономъ изъ раненой груди...
— Слушай!..

И снова все тихо... На небѣ несмѣло
Луна показалась на мигъ,
И, словно сквозь слезы, изъ тучъ поглядѣла
И скрыла заплаканный ликъ.
Внизу-жъ часовые шагаютъ лѣниво,
Въ ночной тишинѣ то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо:
— Слушай!..

ВОЛЬНОЕ СЛОВО.

Здравствуй, свободы вольное слово
Сердца могучее пламя
Шествуй отчизна, сбросивъ оковы,
Смѣло подъ новое знамя!..

Къ вѣчному дружной, вѣрной семьею
Кличетъ свободное слово.
Къ дѣлу скорѣе! Новой зарею
Небо насъ встрѣтитъ готово.

Русь подымайся! Новою брагой
Пѣнится новая чаша,
Пей же, отчизна, смѣло съ отвагой
Здравствуй же, родина наша!

Рушьтесь темницы, рушьтесь затворы!
Здравствуйте вольности братья!
Къ свѣту отрады — смѣлые взоры!
Къ солнцу свободы въ объятья!

ГОЛУБИ.

Голуби по двору ходятъ-воркуютъ
Сизой артелью своей,
Все подозрительно какъ-то толкуютъ,
Быстро летятъ отъ людей.
Часто гурьбою громадной слетаются,
Мирно ко мнѣ подъ окно;
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлятъ по-братски зерно.
Видно вліянье идей растлѣвающихъ
Въ бѣдной семьѣ голубей —
Мыслей, основы основъ подрывающихъ
Соціализма идей.
Гдѣ же жандармъ, отъ зла ограждающій
Мудрой полиціи глазъ?
Гдѣ же ихъ кормчій, путь направляющій
Этотъ порядка компасъ?
Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается, —
Страшный примѣръ для людей, —
Браки свободны, никто не вѣнчается,
Нѣтъ ни поповъ, ни церквей.
Голуби сизые, пташечки бѣдныя,
Развращены вы совсѣмъ!
Кѣмъ же идеи то эти зловредныя
Къ вамъ прививаются? Кѣмъ?

Скажутъ — природой... Для благъ человѣчества
Выскажу мнѣнье свое:
Если природа вредна для отечества —
Выслать подальше ее.

КТО КОРМИТЪ ВСѢХЪ...

Кто кормитъ всѣхъ и поитъ?
Кто обреченъ труду?
Кто плугомъ землю роетъ?
Кто достаетъ руду?
Кто обуваетъ всѣхъ господъ,
А самъ и нагъ и босъ живетъ —
    Все мы же братъ — рабочій!
    Нужда намъ спину гнетъ,
    Нужда слѣпитъ намъ очи,
    Нужда и въ гробъ ведетъ!
Кто въ тягостной работѣ
Томится день-деньской,
Трудясь въ слезахъ и потѣ
Для прихоти чужой.
На комъ покоится весь свѣтъ?
Кому ни правъ, ни воли нѣтъ?
    Все намъ же братъ-рабочій!
    Удѣлъ намъ — рабства гнетъ,
    Нужда слѣпитъ намъ очи,
    Лѣнивый насъ не бьетъ...
Кто долго тираніи
Опорой вѣрной былъ
И за царей Россіи
Кто кровь, какъ воду, лилъ...

Кто цѣпи самъ себѣ ковалъ?
Кто самъ себя закрѣпощалъ?
Очнемся, братъ-рабочій,
Стряхнемъ незнанья гнетъ,
Развѣемъ сумракъ ночи,
Въ ряды — смѣлѣй впередъ!
Добьемся лучшей доли
На жизненномъ пиру,
И свѣтлой вольной воли,
И торжества добру!
Мы въ плуги мечъ перекуемъ,
И новой жизнью заживемъ!..
Вставай же, братъ-рабочій,
Гляди — заря встаетъ,
Рѣдѣетъ сумракъ ночи, —
То свѣтлый день идетъ!..

ДРУГЪ МОЙ, БРАТЪ МОЙ...

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь, —
Вѣрь, настанетъ пора и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ,

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись, — зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой, —
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой!..

ЖЕРТВАМЪ 9-го ЯНВАРЯ.

Погибшіе братья, вамъ вѣчный покой,
Убійцамъ на вѣки проклятье!
Погибли вы смѣло въ борьбѣ роковой
За нашу свободу и счастье.

Убиты вы, братья, преступной рукой
Того, кто народъ угнетаетъ,
Рабочую кровь проливаетъ рѣкой
Родную страну раззоряетъ.

Надъ вашей могилой мы клятву даемъ,
Святой вашей кровью клянемся:
Мы будемъ бороться съ убійцей царемъ,
Свободы и счастья добьемся.

Тогда мы на ваши могилы придемъ
И скажемъ: „Погибшіе, братья!

Ночь произвола смѣнилася днемъ
Равенства, братства и счастья".

Погибшіе братья, вамъ вѣчный покой,
Убійцамъ на вѣки проклятье!
Погибли вы смѣло въ борьбѣ роковой
За нашу свободу и счастье!

СПЯЩИМЪ.

Противъ баръ и царей
За рабочихъ людей
Встаньте, братья, и гордо и смѣло;
Мы борьбою живемъ,
Мы къ борьбѣ васъ зовемъ
За народное правое дѣло!

Свора наглыхъ поповъ
Чтитъ бездушныхъ воровъ,
Чтитъ Романовыхъ родъ призываетъ,
Говоритъ: всѣхъ людей,
Что идутъ на царей,
Убивать даже богъ заставляетъ...

Нѣтъ, не вѣрьте попамъ:
Не друзья они вамъ,
А поповская служба „святая"
И грѣшна и вредна;
Вамъ свобода нужна,
А не чары волшебнаго рая...

Эхъ, когда-то и мы
Жили словно средь тьмы,
Ни о зломъ, ни о добромъ не знали,

Посылали дѣтей
Воевать за царей:
Ихъ богами земными считали;

И коровъ и телятъ —
Все тащили въ закладъ,
Чтобъ внести царю подати разомъ,
Чтобы могъ нашъ „отецъ"
Украшать свой дворецъ
Пышнымъ бархатомъ, яркимъ алмазомъ!

Но лишь только страна
Пробудилась отъ сна,
Какъ, столичныя бросивъ палаты,
Шайка этихъ „боговъ"
Удрала въ Петергофъ
И дрожитъ, ждетъ народной расплаты.

А расплата близка;
Ужъ плывутъ облака
По когда-то прозрачной лазури,
Скоро грянетъ кругомъ
Оглушительный громъ,
Громъ послѣдней, рѣшительной бури.

Скоро, скоро народъ
Сброситъ съ плечъ мрачный гнетъ
И, воровъ вѣковыхъ проклиная,
Онъ царицу пошлетъ
На работу въ заводъ,
Молотить и пахать — Николая!

Противъ баръ и царей
На рабочихъ людей
Встаньте-жъ, братья, и гордо и смѣло;

Мы борьбою живемъ,
Мы къ борьбѣ васъ зовемъ
За народное правое дѣло!..

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ, мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не „красный“,
Обыватель неопасный,
И гостей не жди.

Подростешь, тогда узнаешь,
Какъ въ ночи не спать...
Хоть гостей не ожидаешь,
Принимать ихъ не желаешь,
Надо ихъ впускать.

На Руси сонъ безмятежный
Лишь того удѣлъ,
Кто слыветъ благонадежнымъ
И къ теоріямъ мятежнымъ
Тяготѣть не смѣлъ.

Кто всю жизнь тропинкой торной
Смирно, чинно шелъ,
Кто всегда властямъ покорный,
Въ дѣлкахъ съ совѣстью позорныхъ,
Жизнь свою провелъ.

Кто не зналъ воодушевленья
Юношескихъ дней
И глядѣлъ безъ возмущенія
На страданья, угнетенья
Остальныхъ людей...

Спи пока — твой часъ настанетъ,
Будетъ не до сна,
Мысль твоя работать станетъ
И съ горячностью возстанетъ
Противъ лжи и зла.

Въ эти дни, дни золотые
Юности святой,
Всѣ задачи вѣковыя,
Всѣ вопросы роковые
Встанутъ предъ тобой.

И мечты о личномъ счастьи
Бросишь ты тогда,
Съ жаромъ юной, честной страсти,
Весь ея отдавшись власти,
Ты пойдешь туда, —

Гдѣ собралась воедино
Мощная семья
Пролетарія исполина, —
Все растущая дружина
Рыцарей труда...

Съ той поры, сынокъ родимый,
Распростись со сномъ,
Всюду, точно звѣрь травимый,
Сынъ отчизны нелюбимый,
Позабудь о немъ!

Спи, младенецъ, мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не „красный“,
Обыватель неопасный
И гостей не жди.

ПЕРВОМАЙСКІЙ ДЕНЬ!

Праздникъ свѣтлый и свободный,
Славься, первый майскій день!
Нашъ союзъ международный
Новымъ блескомъ ты одѣнь.

Ужъ прошелъ и годъ двадцатый,
Съ той поры, какъ цѣлый свѣтъ
Облетѣлъ призывъ крылатый:
Въ этотъ день работы нѣтъ!

Пусть же мчится въ общемъ хорѣ
Міровому гимну вслѣдъ
Черезъ горы, черезъ море
Нашъ торжественный отвѣтъ!

Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ откликъ грянетъ разомъ,
Какъ весенній первый громъ!

Наша жизнь идетъ въ неволѣ,
Наша родина — тюрьма,
Нѣтъ позорнѣй нашей доли,
Нѣтъ ужаснѣе ярма.

Встаньте, встаньте ратью смѣлой!
Силу далъ намъ бодрый трудъ.
Словно ленъ перегорѣлый,
Наши цѣпи упадутъ.

Развѣ даромъ такъ упорно
Напрягается рука
У пылающаго горна
И жужжащаго станка?

Пусть изъ горна это пламя
Хлынетъ вонъ живымъ ключемъ
И освѣтитъ, словно знамя,
Цѣлый міръ своимъ лучемъ.

Нашъ хозяинъ, тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняетъ насъ приплатой,
Посуливъ намъ лишній грошъ...

На посулъ его лукавый
Мы дадимъ одинъ отвѣтъ:
Славься, праздникъ величавый!
Въ этотъ день работы нѣтъ!

За хозяиномъ жандармы
Торопливо бьютъ въ набатъ
И выводятъ изъ казармы
Противъ насъ ряды солдатъ.

Насъ угроза не принудитъ,
Нашъ отвѣтъ готовъ давно:
Въ этотъ день труда не будетъ,
Мы рѣшили заодно.

Встаньте, братья, бодро, дружно!
Всѣ въ ряды!.. Плечо съ плечомъ!..
Только сразу встать намъ нужно, —
Всякій врагъ намъ нипочемъ.

Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ голосъ грянетъ разомъ,
Какъ веселый первый громъ!..

КЪ СОЛДАТУ.

Постой-ка, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣй брось винтовку на землю
И гласу рабочаго внемли, солдатъ —
Народному голосу внемли!

Зачѣмъ ты винтовку свою зарядилъ?
Въ какого врага ты стрѣляешь?
Безъ жалости брата родного убилъ,
Дѣтишекъ его избиваешь...

Ты здѣсь убиваешь чужую семью
Въ деревнѣ твою убиваютъ...
И издали, грозно твоя же семья —
Тебя-же, солдатъ, проклинаетъ...

Постой же, товарищъ! Опомнися, братъ!
Ты кровью облитъ человѣка!..
Не смоешь ее ужъ ничѣмъ ты, солдатъ,
Не смоешь ту кровь, ты, вовѣки...

Всѣ улицы русскихъ большихъ городовъ
Залиты народною кровью...
Тамъ дѣти рыдаютъ... И тысячи вдовъ.
Клянутъ свою долюшку вдовью...

Несчастная мать, потерявши дитя,
Надъ трупикомъ горько рыдаетъ
И грозно, солдатъ, проклинаетъ тебя!
Ты слышишь? — Тебя проклинаетъ!

Ты мать и отца у ребенка отнялъ,
И кто ихъ убiйца — онъ знаетъ.
И вотъ съ легiономъ рабочихъ дѣтей
Малютка тебя проклинаетъ...

Постой-же, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣй брось винтовку и съ нами
Возстань за свободу, и вмѣстѣ пойдемъ
На бой, на кровавый, съ врагами...

Такъ брось-же винтовку и громко кричи:
„Нѣтъ, братья, солдатъ не убійца!
Солдатъ ужъ проснулся и дастъ вамъ ключи
Къ покоямъ царя — кровопійцы!“

Проснулась пѣхота, проснулся матросъ,
Проснулась казацкая сила,
И грозный, отжившій, военный колоссъ
Ужъ жажда свободы сломила...

Постой-же, товарищъ! Опомнися, братъ!
Скорѣе брось винтовку на землю
И гласу рабочаго внемли, солдатъ,
Народному голосу внемли:

„Честнѣе на улицѣ въ правомъ бою
Погибнуть за лучшую долю,
Чѣмъ тамъ—на войнѣ—въ чужеземномъ краю
Намъ пасть, защищая неволю!“

ЧТО ЗА КАРТИНА...

Что за картина безсмысленно дикая!
Гдѣ-жъ она, гдѣ она, сила великая,
Чтобъ конецъ положить?
Эта толпа, безотвѣтно покорная,
Иго тяжелое, иго позорное
Вѣчно-ли будетъ сносить?

Ахъ, неужель ты, слѣпая и темная,
Вѣчно голодная, вѣчно бездомная
Будешь покорно молчать?
Всѣхъ нарядившая, всѣхъ накормившая
Будешь не ѣвшая, будешь не пившая,
Вѣчно отъ стужи страдать?

Нѣтъ, не вѣчно, нѣтъ, не вѣчно!
Видишь, другъ, со всѣхъ концовъ
Съ пѣсней бодрою, сердечной
Цѣпью длинной, безконечной
Ужъ спѣшатъ толпы бойцовъ!

Сила арміи священной
Старый соръ земли смететъ.
Коль одинъ падетъ сраженный,
Вмѣсто павшаго мгновенно
Сотни новыхъ возстаетъ.

Слышишь, другъ мой, эти звуки?
Это онъ, рабочій людъ!
То они, питомцы муки,
Дружно взявшися за руки,
Пѣсню звонкую поютъ.

Не болѣзненной дремотой
Пѣсня дружная звучитъ,
И не будничной заботой,
Новымъ тономъ, новой нотой
Пѣсня новая звенитъ.

Грянемъ, братья, гимнъ веселый,
Станемъ въ тѣсные ряды!
Передъ нами путь тяжелый,
Ждутъ насъ тяжкіе труды!

Но не страшны намъ препоны,
Смѣло мы идемъ впередъ!
Наши дѣти, наши жены,
Ихъ страданія, ихъ стоны...
Правда, все зоветъ!

Ну, греми же пѣснь святая!
Все, что честно, къ намъ придетъ!
Правды знамя поднимая,
Смѣло двинемся впередъ!

ЧТО МНѢ ОНА.

Что мнѣ она? Не жена, не любовница
И не родная дочь!
Такъ отчего жъ ея доля проклятая,
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!
Спать не даетъ, оттого, что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ...
Вижу я своды... Окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...
Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди.
Что мнѣ она! — не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего же ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?..

НАЗОВИ МНѢ ТАКУЮ ОБИТЕЛЬ.

Назови мнѣ такую обитель
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель нашъ и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ.
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи,
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой ночуя въ степи.
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту божьяго солнца не радъ,
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ, сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный,
Ты проснешься-ль исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону
Все, что могъ, ты уже совершилъ —
Создалъ пѣсню подобную стону
И духовно на вѣки почилъ...

АХЪ, ТЫ, НОЧЕНЬКА, НОЧЬ...

Ахъ ты, ноченька, ночь, ночка темная мгла,
Ночка темная мгла, городская тюрьма.

Завтра рано съ зарею принарядится судъ,
Словно звѣря меня на цѣпи поведутъ.

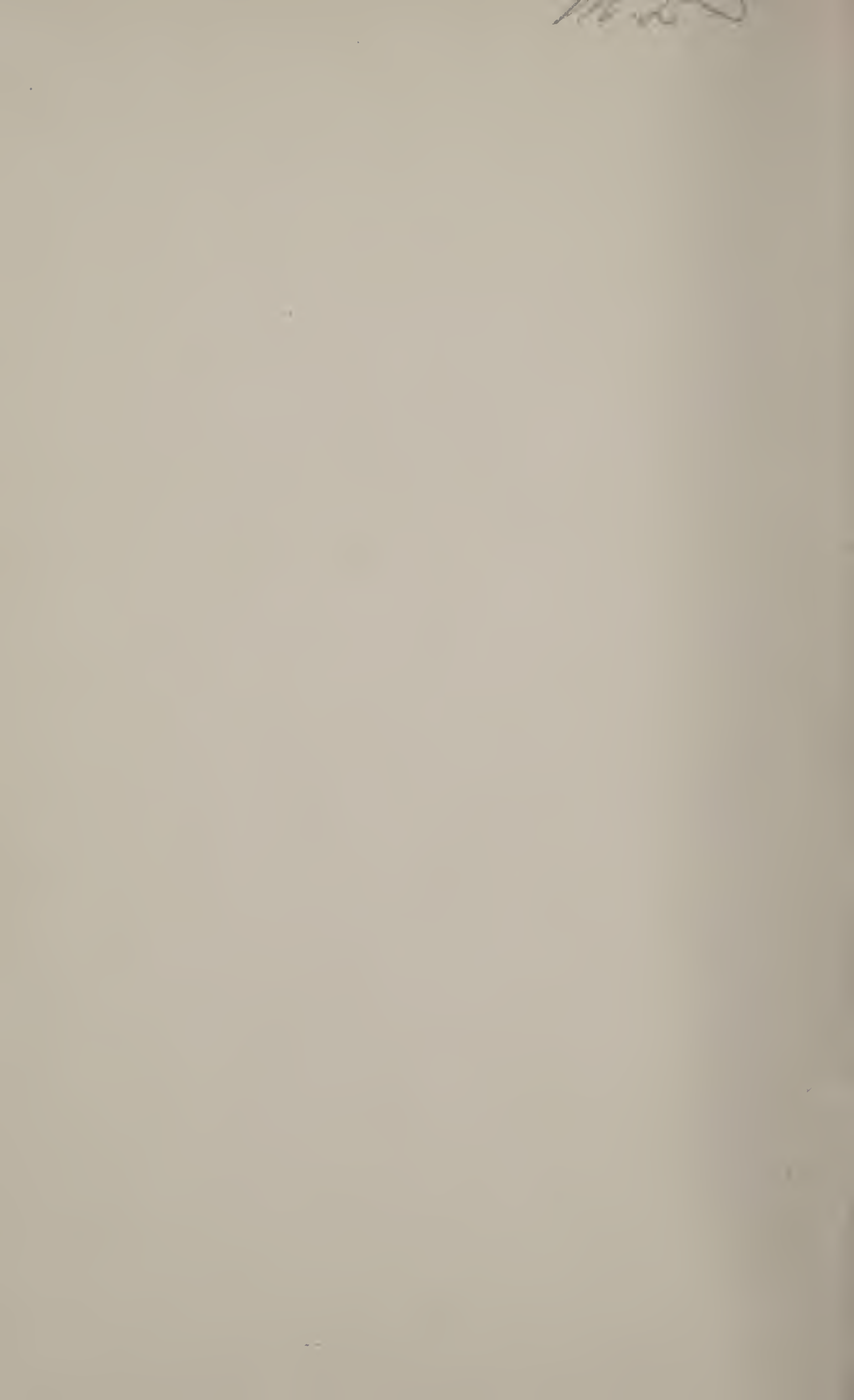
Выйдетъ строгъ и суровъ воевода сѣдой,
Поглядитъ на меня встрѣтитъ рѣчью такой:

„Въ добрый часъ, молодецъ, поджидали тебя,
Правду истину намъ разскажи про себя.

Кто ты есть и отколь и зачѣмъ къ намъ пришелъ,
Аль казакъ, аль купецъ, аль холопъ ты простой?

И отвѣчу ему: "Не скажу никогда,
Не скажу никому.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 013 089 756 3